

Вера

Чиркова

СПЯЩИЙ КРАСАВЕЦ

КНИГА ВТОРАЯ

ОСТРОВ НА КРАЮ СВЕТА

Спящий красавец

Вера Чиркова

Остров на краю света

«Чиркова Вера Андреевна»

2022

Чиркова В. А.

Остров на краю света / В. А. Чиркова — «Чиркова Вера Андреевна», 2022 — (Спящий красавец)

Мэридит наконец нашла свое счастье, но душа юной королевы неспокойна. Ее мать отправлена в ссылку к человеку, который ей вовсе не рад. И ей предстоят трудные испытания, которые дочь могла бы отменить, но не сумела убедить упрямую матушку.

© Чиркова В. А., 2022

© Чиркова Вера Андреевна, 2022

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	13
Глава четвертая	20
Глава пятая	24
Глава шестая	28
Глава седьмая	32
Глава восьмая	37
Глава девятая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Вера Чиркова, Иван Савин

Остров на краю света

Глава первая

Губы обожгло полынной горечью не сорвавшегося крика, колени предательски ослабели и задрожали.

Однако Сесиль устояла, беззвучно повторяя давным-давно заученную намертво, как мантру фразу: – Нужно быть сильной, у меня нет права рыдать и просить пощады.

Да и не сравнить нынешние боль и обиду с испытанными тогда, более двадцати трех лет назад. Вот в те дни она света не видела от горя и невыносимой муки в вдребезги разбитом сердце. Ни пить, ни есть не могла, да и говорить ни с кем не хотелось. Их вообще было мерзко видеть, всех притворно сочувствующих придворных змей, втайне праздновавшим ее поражение. Ведь оно значило, что путь в хозяйскую спальню опять свободен.

А уж сколько глупых, непростительных ошибок Сесиль сделала, покидая герцогский замок – даже вспоминать после было тяжело и противно. Руки так и тянулись, отвесить себе оплеуху за наивность.

Ведь ничего не взяла, ни лоскутка из набитых роскошными нарядами шкафов, и пары запасного белья или туфель не додумалась прихватить. Да какие уж там туфли, если даже ларцы с драгоценностями, на какие в те времена не скупился Грэхем, остались стоять у зеркала.

Впрочем... чего поминать прошлое, если она снова вылетела из роскошного замка без гроша в кармане? Хотя Мэри предлагала, да откровенно уговаривала поехать в имение. В любое... на выбор. Но Сесиль упорно рвалась к человеку, которого считала мужем... ведь долг любящей и верной жены делить с мужчинами все тяготы жизни. И неважно, что он сам их для себя устроил.

Но Грэхем ее жертвы не принял... опять поступил по-своему, и это могло означать лишь одно, проигравшим он себя не считал и снова изобрел какой-то план. Можно даже не сомневаться, верной любовнице и помощнице тоже отведена в нем важная роль, вот только бывшему герцогу пока неизвестно, что Сесиль смертельно устала от этих игр. И больше участвовать в них не собирается. Неимоверно надоело жить чужой жизнью под чужими личинами, терпеть злые шепотки придворных блюдолизов и непререкаемый тон приказов тайного мужа, его строгие инструкции и постоянный контроль. Раз он отказался от нее прилюдно – так тому и быть. Отныне Сесиль больше не желала его знать.

Резкий порыв холодного ветра ударил в лицо, рванул подол, словно торопя принимать решение.

Узница спрятала горькую усмешку и крепче стиснула зубы. Пора начинать жить по-новому.

– Идем, Дебора? – мягко спросил купивший ее старожил, протягивая руку к мешку, – помочь?

– Помоги, – голос женщины звучал хоть и хрипловато, но уверенно, – только я не Дебора, а Сесиль. Коротко – Силь.

– Как скажешь, – покладисто согласился он, – а я – Эстебан. Но все зовут Эст.

Легко забросил на плечо суму и неторопливо пошел прочь от башни. Сесиль вздохнула в последний раз и поспешила за ним.

Вначале ей казалось, будто они идут напрямик, но вскоре узница осознала свою ошибку. Эст вел ее по тропе, хотя прежде Силь не приходилось встречать таких троп. Извилистая, каменистая, то поднимающаяся на бугор, то нырявшая в ложбину, дорожка упрямо вела вдоль ска-

листой гряды, тянувшейся посреди островка. Кто-то очистил тропу от камней, засыпал галькой и песком глубокие трещины. А на крутых подъемах и спусках вырубил в камне удобные ступени.

Силь не понаслышке знала, насколько это тяжелая работа. Ей самой пришлось научиться многое делать своими руками, когда оказалась с младенцем на руках в маленьком провинциальном городке. В том числе чистить дорожки и копать грядки. Не сразу, разумеется, этим занялась, а лишь после того, как осознала, насколько скудно оценил ее любовь баснословно богатый Грэхем.

Снова она его вспомнила, – с досадой зашипела Сесиль, – глупая, вредная привычка. Пора уже от нее избавляться. Иначе опять окажется замешанной в безумную интригу желающего править самодура.

– Устала? – искоса глянул Эст, – скоро дойдем. Мой дом девятый от башни.

Если бы она еще видела тут какие-нибудь дома, желчно ухмыльнулась узница. Хотя... если приглядеться, можно заметить прилепленные к скалам неказистые хижины, сложенные из неотёсанных обломков. До этого момента Силь искренне считала их загонами для скота... овец или коз. Хотя, откуда тут взяться козам?

Женщина помрачнела, представив себе жизнь в подобной развалюхе, и в который раз пожалела о собственном упрямстве. Не зря добрая Мэри смотрела на нее с таким состраданием, теперь этот взгляд до конца жизни будет жечь душу неммым укором.

– Пришли... – негромко объявил Эст, свернув к одной из убогих построек, – входи.

Протянул руку и распахнул невысокую дверку, связанную из кривых жердочек, обитых старыми козлиными шкурами.

Как же тут можно жить? – внутренне содрогнулась Сесиль, делая первый, робкий шаг и тотчас яростно одернула себя, – а чего ты ждала? Судьи ведь сказали, что сюда отправляют самых неисправимых преступников. Тех, у кого было все, дворцы, деньги, развлечения, власть... но не хватало ума все это ценить и беречь.

Упрямо поджала губы и решительно вошла в полутемную постройку. Здесь не было ни окон, ни светильников, очага и того не оказалось. И вообще как-то пусто и прохладно, только висят вдоль стен низки крупных рыбин, да разные сачки и инструменты. А стена напротив входа и вовсе оказалась крутым склоном скалы, в которой темнела неширокая овальная ниша.

Эст шагнул следом, прикрыл дверцу и, обогнув остановившуюся узницу, прошел вперед, к замеченной Силь нише. Перед узницей распахнулась новая дверь, открывая проход в освещенное помещение. То ли пещеру, то ли выработку... но оттуда уютно дохнуло теплом и запахом жареной рыбы. Даже на расстоянии в несколько шагов узница рассмотрела застеленный шкурами пол и ей стало понятно, что именно это и есть обещанный дом.

Ну что ж, по крайней мере, не продуваемая сквозняками пристройка, признала она, проходя в пещеру.

Дом оказался именно пещерой, хотя кто-то приложил много усилий, чтобы сделать ее жильем. Вдоль стен вырубили или выложили широкие полаты, покрытые светлыми шкурами, посреди очаг, с пристроенной к нему кухонной плитой. В очаге тлел уголь, а к уходящей в стену каменной трубе была пристроена небольшая коптильня.

В стенах темнело еще несколько ведущих куда-то ходов и хозяин коротко пояснил:

– Тут раньше жили маги, они умели делать различные тоннели. В купальню провели горячую воду, пробили от очагов дымоходы. А это вход в спальни, я живу в левой. Устраивайся и приходи пить чай.

Поставил перед Силь ее мешок, прихватил чайник и направился к плите.

Женщина проводила его задумчивым скептическим взглядом, гадая, на что ей сейчас намекнули? Чтобы поселилась вместе с ним или наоборот?

И тотчас снова рассердилась на себя: вот откуда у нее появилась эта рабская привычка угадывать чужие желания и ни в чем им не перечить? Ведь за семнадцать лет, прожитых в непрерывной борьбе с жестокой судьбой, она постепенно закалилась духовно, научилась отбиваться от прямых нападков и игнорировать намеки. И всему прочему, что с юности умели простые девушки, тоже научилась. Грэхем каждый раз искренне изумлялся, узнавая о ее очередном умении.

Тьфу на него, опять вспомнился. Нужно как-то отвлечься. Сесиль подхватила мешок и направилась к указанному хозяином тоннелю.

– Вещи лучше разобрать сразу, – негромко предупредил Эст и сухо добавил – если есть еда.

Само собой, хотелось съязвить узнице, но она сдержалась, вспомнив, насколько беспомощно наивной была сама, пока не столкнулась с житейскими проблемами. В те времена юной чтице и в голову не пришло бы, что оставленные в бауле свежие пирожки уже через несколько часов прокиснут и испортят все остальное мерзкой вонью.

В тоннеле оказалось светло от неизвестного зелья, налитого в обычную бутыль. Та болталась под потолком, освещая ведущие наверх пологие ступени и Силь, подавив досаду, шагнула на них. Если бы не опыт поездок с отрядом Гассела, узнице никогда не пришло бы в голову, что все, происходящее с нею сейчас, может быть обычной проверкой, какие так любят устраивать новичкам бывалые воины. С одной стороны, их можно понять, лучше загодя знать, рядом с кем однажды придется драться и можно ли будет полностью доверять напарнику. Но с другой, иногда такие испытания бывали довольно жестоки и те из новобранцев, кто ничего не ждал и не подозревал заранее, получали нешуточные синяки и шишки.

Ей, разумеется, ничего подобного не грозит... но быть настороже не помешает.

Лестница привела в пещеру, разгороженную на небольшие комнатки. Непонятно, из чего неведомый строитель сложил их стенки, но дверей не было совсем. Их заменяли занавеси, сшитые из козьих шкур и лишь теперь Сесиль поняла, почему Эст не пошел вместе с ней.

Опасался, что у гостии начнется истерика или, хуже того, она попытается сбежать. Ну да, любая из придворных кокеток на ее месте искренне или не очень изображала бы сейчас оскорбленную монахиню. Ну, по меньшей мере неистовое возмущение. Но Сесиль и в этом вопросе больше не была прежней. Странно устраивать скандалы после того, как несколько дней ела и спала бок о бок с толпой грубоватых, бесцеремонных наемников.

И неважно, что тогда ее охранял Орж, воины и сами относились к женщине с заботой. А судя по запомнившимся сочувственным взглядам – даже жалели.

Видимо понимали, насколько она заморочена Грэхемом, – желчно усмехнулась Силь и решительно отдернула занавесь на первом же проходе справа.

Комнатка оказалась небольшой, но уютной. Высокая и широкая лежанка, задрапированные валяными коврами стены, старинный сундук и несколько вбитых в стену кольев, заменявших вешалку.

Вполне могло быть и хуже.

Силь присела на лежанку, начала развязывать суму и остановилась, ощутив исходящее от постели тепло. Мягкое, неназойливое, словно кто-то тут недавно спал. Вмиг вернулись, подстегнутые воображением все недавние подозрения, и узница замерла, пытаясь сообразить, как такое могло быть, если Эст пришел вместе с ней, а до этого бродил по улице?

За это время постель непременно должна была остыть и значит, если здесь больше никого нет, нужно искать другую причину. Женщина встала с лежанки, обошла комнатку, прошупывая стены. А убедившись, что они сложены из отёсанных камней, и никаких тайных проходов не имеют, вернулась к кровати. Приподняла край мехового одеяла, укрывавшего пышную перину и ощутила дохнувшее в лицо тепло. Уже смелее заглянула под лежанку и облегченно засмеялась, впервые за несколько дней.

Кровать стояла над идущей от очага каменной трубой, и можно не сомневаться, сделано это специально. Чтобы зимними холодными ночами не греть своим телом отсыревшие за день одеяло и перину.

Вещи, неизвестно кем уложенные в суму, узницу порадовали и огорчили одновременно. Радовала забота незнакомых людей, явно знавших, куда она попадет. Несколько легких, но теплых кофт, связанных из тончайшего пуха, мягкие меховые ботиночки, две юбки. Замшевая и суконная, а к ним – длинный и плотный холщовый фартук с глубокими карманами. Еще пара смен простого, льняного белья и такая же пижама.

А огорчило собственное упрямство, из-за которого она тут сидит.

Сесиль сложила одежду в сундук и задумалась, глядя в суму, где остались мешочки с продуктами. Нет, пирожков не нашлось, зато были очень неожиданные вещи. Сухофрукты и изюм, ядра орехов и картонный ларец с шоколадными трюфелями. А еще какие-то лекарства, подписанные загадочным языком старинных целителей.

И все это наводило на неожиданную догадку, ключ к которой снова нашелся в опыте путешествий с наемниками. До этого момента Сесиль даже не подозревала, насколько по-разному ведут себя женщины и мужчины, получившие коробку конфет или туесок орехов.

Большинство дам утащило бы конфеты в свои комнаты и наслаждалось ими несколько дней или минут. Иногда они могли угостить лучшую подругу или жениха. А те, кто похитрее – покровительниц.

А вот мужчины, особенно воины, непременно выставят лакомство на общий стол и если оно будет любимым всеми, то его поделят на мелкие кусочки, лишь бы никого не обделить.

И если на этом острове фрукты большая редкость, а посылки приходят раз в полгода, то спрятать сейчас мешочки с деликатесами будет не просто глупой ошибкой а невероятной подлостью.

И неважно, что тут нет простодушных воинов, лишь знатные преступники, но и они за время ссылки никак не могли остаться теми, кем пришли на остров. Насколько успела понять герцогская фаворитка, в таком обществе любой либо меняется, либо остается в изгоях.

Она переобулась, поправила прическу перед маленьким зеркалом, и, прихватив суму, решительно покинула занятую спальню. Но пройдя пару шагов опомнилась, опустила мешок на пол и дальше шла неторопливо, изучая свое новое жилище.

А добравшись до пещеры, где Эст сосредоточенно жарил на старинной чугунной сковороде ломти рыбы, вдруг захотела подшутить, отомстить за проверки и испытания.

Молча прошла к неказистому столу, кривясь, провела пальцем по некрашеной, затертой столешнице и присела на скамью, капризно поглядывая на хозяина.

– Чай ждешь? – оглянулся он, и Сесиль неожиданно порадовало разочарование, мелькнувшее во взгляде Эста.

– Нет, – смиловилась она, – жду, пока ты закончишь свою работу.

– Чтобы налил тебе чаю? – упрямылся он.

– Чтобы принес мой мешок, я его в проходе оставила, – с укоризной поправила Силь и беззаботно усмехнулась, – не знаю, принято ли у вас угощать соседей... но там еще и лекарства.

Мужчина молчал долгие пять секунд, потом резко отставил в сторону сковороду, отбросил на припечек лопатку и, вытирая на ходу руки, ринулся в сторону прохода.

Значит, правильно она сообразила, порадовалась Силь, провожая его взглядом. В таком случае неизбежно появление гостей, а к этому принято готовиться. Или как тут у них обычно проходят подобные угощения?

Если бы узники острова происходили из разных сословий, можно было предположить любой обычай, до простой раздачи узелков. Но сюда, как ей сообщили, отправляют лишь преступников с самым высоким статусом, а для них такое оскорбительно, и стало быть – неприемлемо. Родовая гордость и самоуважение ни одному не позволят брать нищенский узелок,

точно стоящая под храмом побирушка. И в таком случае единственным вариантом остается соседское чаепитие.

Выходит, придется всех как-то размещать и тогда интересно, сколько же тут узников? И хватит ли им этого стола? Кстати, его неплохо бы помыть... или она не успеет?

Эст с мешком в руках появился из прохода как раз вовремя, Силь уже начала беспокоиться, не уснул ли ее неожиданный хозяин? Оказалось, он успел сменить одежду и теперь щеголял хотя и чистой, но сильно потертой рубахой и давно немодными штанами.

Так сколько же он здесь живет и сколько ему лет, задавала себе все новые вопросы узница, наблюдая за действиями Эста. А мужчина невозмутимо поставил на скамью мешок и начал доставать и раскладывать по столу его содержимое. Туго набитые мешочки с сухофруктами, ларчик, склянки с зельями и незамеченные Силью коробочки с приправами.

– Я не люблю тмин и кориандр, – объявил Эст, – если...

– Я тоже, – перебила узница, сообразив, что он намерен сделать. – а так же острый перец. Зато обожаю душистый, базилик и укроп.

– Укропа и базилика у нас хватает своих, – успокоил мужчину, – и вообще зелени, в каждом доме есть маленькая оранжерея. А вот фрукты и орехи не растут. И с сахаром туговато. Мы варим из земляники и дикой малины пастилу, с ней и пьем чай.

– А где берете малину? – поразилась Силь.

– Растет в ущельях, выходящих на низину гейзеров. Там много ягод и разных трав... думаю, маги специально сажали. Значит отсыпаям себе перца, а остальное отдаем любителям.

– Конечно, – подтвердила Силь, – а сколько тут... людей?

– Преступников, ты хотела сказать?

– Имею право, – неожиданно для себя разозлилась женщина, – сама такая.

– Это несомненно так, – кивнул он с хмурой усмешкой, – но никому не нравится, когда постоянно топают сапогами по самому больному месту. Поэтому тут никто не упоминает это слово.

– Ты сам его сказал!

– Чтобы предупредить!

– Предупредить можно и попросту, как про тмин! Вовсе не обязательно устраивать бесконечные проверки и ловушки! Их нужно было делать сначала, когда еще не купил кота в мешке!

– Сначала нужно было тебя спасать, – мрачно огрызнулся Эст, – пока не побежала за тем подлецом.

– Не побежала бы, – внезапно успокоилась узница, – устала бегать. Так сколько тут людей?

– Двадцать три, с тобой и тем... гадом. Но его мы звать не будем, он проверку не прошел.

– И где все разместятся?

– Тут есть парадная столовая... похоже, маги были не такими уж отшельниками.

Глава вторая

Столовая поразила узницу не столько мебелью, сколько высокими окнами, прорезанными в скале. Их закрывали шершавые сероватые стекла грубой обработки, явно изготовленные здесь, на острове.

– Изначально тут была лаборатория, – пояснял Эст, протирая ветхой тряпицей пыль с внушительной столешницы, искусно составленной из кусочков полированных камней и стекла. Или горного хрусталя, Силь не разбиралась.

– А потом ее перенесли в дальнюю пещеру, там теплее и вода рядом. Но я туда не хожу, и тут дел хватает. Особенно тяжело приходилось поначалу... не так просто человеку, привыкшему получать все готовое, самому подметать пол.

– И стирать рубахи, – в тон ему подхватила Силь, – и мыть тарелки. И штаны по утрам надевать без лакея. Переставай уже испытывать мое терпение, я ведь прекрасно понимаю, куда ты клонишь. Хочешь выяснить, не пожалею ли я беднягу Грэхема, не побегу ли просить, чтобы он позволил мыть ему посуду.

– А кто вас знает... – хмуро хмыкнул Эст, – как вы доходите до некоторых решений.

– Иногда – назло, – просветила его женщина, раскладывая по плетенкам вымытые сухофрукты. Все по отдельности, сливы, вишни, курагу и изюм. А еще круглые ломтики яблок, бананов и груш. В плоские блюда высыпала орехи и разложила шоколад.

– А женщины тоже придут? – вдруг припомнился еще незадаанный вопрос.

– Да... но их теперь мало. Всего пятеро с тобой. – ответил хозяин и пояснил, – Недавно была амнистия, отпустили сразу шестерых.

– А мужчин?

– Двоих. Но они прожили тут почти по двадцать лет. Один был совсем стар, он поехал в обитель.

Силь молча кивнула, старикам здесь трудно. Хотя дома оказались лучше, чем она ожидала, но работы, даже на первый взгляд, в них все равно много. Интересно, а за что сидели тут женщины и не хотелось ли кому-то из них остаться? Ради любимого мужчины?

Поговорить об амнистии подробнее не удалось, из передней пещеры, которую Силь для себя звала кухней, раздался бодрый басовитый рёв:

– Эстебан, ты где?

– В столовой, – крикнул в ответ хозяин дома и усмехнулся, – на чаепития народ всегда собирается быстро, как по тревоге.

Они и в самом деле пришли все разом. То ли так совпало, то ли ждали припоздавших перед входом. Первыми шли женщины, все как одна худые, загорелые, в мужских штанах и в длинных, по колено, вязаных темных жилетах. Кофточки под ними тоже были шерстяные, но светлые, ажурной вязки. А головы накрыты полотняными чепчиками, отделанными вышивкой и простенькими кружевами. Сесиль тоже умела вязать такие тонким крючком.

Пока она пристально разглядывала гостей, те бегло ее осмотрели и уставились на стол, не в силах отвести потрясенных взоров от расставленных на нем редких лакомств.

– А мы мяса и рыбы нажарили... – невпопад шепнула самая молодая на вид узница.

Если мы когда-нибудь встретимся, пообещала себе Силь, припоминая судившего ее придворного магистра, сунувшего на прощанье этот мешок, – пять раз скажу ему спасибо.

– Это Молли, напарница Роба. А это Зана и Лиз, – представил гостей Эстебан, – они живут при общей столовой.

– Роб, – широко улыбнулся мужчина непонятного возраста, с внешностью пирата и взглядом бродячего пса.

Больного, голодного и никому не доверяющего.

– Силь, – кротко улыбнулась женщина.

– Как... – изумился он, и резко смолк, словно сожалея о своей несдержанности.

– Очень просто, мое полное имя – Сесиль, – с очаровательным простодушием пояснила новенькая.

– Так вот как, – изобразил смущение пират, – ну тогда прошу прощения.

– Это Трин, – Представил последнюю гостью Эст, перехватив внимание Силь, – напарница Криса.

Болезненный на вид Крис окинул незнакомую женщину хмурым взглядом, равнодушно кивнул и отвернулся к столу. Но следующая фраза хозяина дома ударила его по плечам словно плетью, заставив резко оглянуться.

– Силь решила отдать на общее пользование свои зелья.

– Какие? – в волнении почти выкрикнул Крис, и тут же попытался натянуть на лицо прежнюю, бесстрастную маску.

Однако Силь уже поняла, кто здесь лекарь.

– Вот, – шагнув к висящей на стене полке, достала плетенку с флаконами. – Забери.

– Что тут... – его голос задрожал, – это же...

– Он теперь ближайšie полчаса, не менее, никого не услышит, – уводя Силь к столу, буркнул Эст насмешливо, но не обидно.

Его поведение вообще постепенно изменилось, почти исчезли подначки и ловушки. И хотя эти изменения были еще весьма незначительными и узница пока не знала, веселиться ей пора или огорчаться, зато не могла не радоваться простой возможности немного отдохнуть от бесконечных интриг.

Осторожно наблюдая за гостями, неспешно устраивающимися за столом, Силь невольно отметила особенность их поведения. Внешне от наемников, в последние дни деливших с Силь тяготы кочевой жизни, ссыльные отличались немного, и то в худшую сторону. Жители острова были более неухоженными и пообтрепанными, щеголяли давно не стриженными гривами и неопрятными бородами. Однако вели себя с великосветской учтивостью. Никто никого не толкал, не хлопал по спине и не отпускал грубоватых шуток и замечаний. Тем более ни один не спешил хватать угощение руками.

Как выяснилось, почти каждый принес свою тарелочку, чайную чашку и вилку, причем почти у всех эта посуда была серебряной и фамильной. Появилось на столе и несколько больших чайников с уже заваренным чаем, которых Силь не видела до прихода гостей.

Пробовали сухофрукты гости тоже неторопливо, добавляя на тарелку по одной штучке. Сначала смаковали запах, потом пробовали на вкус и медленно съедали, стараясь растянуть удовольствие. За женщинами ухаживали так же учтиво, словно оказались на балу или приеме у короля.

Теперь Силь больше не сомневалась, что ее «покупка» была просто спектаклем, разыгранным для двух зрителей, ее и Грэхема. И наверняка прожженный интриган уже успел выяснить, что женщины, которых тут называют напарницами, не становятся ни рабынями ни наложницами. Если только по собственному желанию.

Значит сейчас он ждет, когда же это сообразит и Дебора, и примчится к нему, будто верная собачка.

Даже не подозревая, как просчитался на этот раз. Больше она никогда и никуда бежать не собирается, да и он может не утруждаться. Силь вдруг стало так легко и свободно дышать, словно оковы с души спали, и снова вешать их на себя она не собиралась.

– Эст, – едва слышно шепнула узница сидевшему рядом хозяину, и, едва тот обернулся, указала взглядом на выход.

– Идем, – молча согласился он, вставая из-за стола и вежливо протянул руку, – прошу.

Как же она не сообразила, что уйти потихоньку не удастся?

– Прошу меня простить... – состроив смущенную гримаску, кротко извинилась Силь, – я вынуждена вас оставить. Надеюсь, никто не примет это за оскорбление... просто у нас сейчас уже ночь.

– Где это, у вас? – с притворной небрежностью справился Роб.

– На родине, – простодушно пояснила женщина, ускользая в проход.

– Что случилось? – напряженно уставился на нее Эст, едва они оказались на кухне.

– Ничего страшного, – успокоила его Силь, прекрасно понимая, какие подозрения могли возникнуть первым делом. – Просто я не хочу сухофруктов. А вот кусочек рыбы, которую ты жарил, съела бы с удовольствием. Могу в своей спальне, чтобы никого не смущать.

– Да ешь где хочешь... – на лице мужчины расцвела понимающая усмешка, – я просто не сообразил. И ведь сам поначалу радовался рыбе. Только хлеб у меня черствый, я раз в четыре дня беру в столовой... завтра принесу свежий.

Поясняя эти тонкости, Эст наполнил деревянную тарелку рыбой, добавил кусок темного хлеба и направился к проходу в спальню. Прихватив кружку с чаем узница пошла за ним, тайком улыбаясь своим мыслям. Много бы она дала, чтобы посмотреть на самоуверенное лицо бывшего возлюбленного в тот момент, когда он поймет, что покорная собачка больше не прибежит.

Глава третья

Проспала! Пожарным набатом прозвенела тревожная мысль, безжалостно вырывая из неги утреннего сна.

Силь подскочила как укушенная, села на постели, привычно растирая ладонями лицо, чтобы быстрее вернуть себя из томного мира снов в череду повседневных забот. Постепенно память прояснялась, и женщина торопливо огляделась, боясь поверить что никуда бежать не нужно. Не ждет указаний единственная служанка, от услуг которой она не смогла отказаться, пока Мэри была маленькой. А позже Силь нашла способ зарабатывать, чтобы не мыть самой полы и не стирать белье.

И блудливые фрейлины, отравлявшие ее жизнь в герцогском дворце, тоже не толпятся под дверями. Нет даже наемников, спозаранку шуршащих окрестными кустами в поисках хвоста или сонных зайцев.

И значит можно бы поспать еще часок... или два, но уже не хочется. Да и неизвестно, а который сейчас час и чем занят Эст? Вечером она бросила напарника на растерзание гостей, и, хотя ничуть о том не жалеет, но помочь ему все же нужно.

Ну или хотя бы предложить.

Силь поднялась, накинула платье и прихватив новые вещи, отправилась в купальню. Вчера ей удалось лишь мельком осмотреть это важное в каждом доме место, отметив странное устройство купели. А сейчас узница намеревалась испытать ее в деле. Но вначале прошлась по кухне, пытаясь определить, утро уже или все-же ночь. Однако часов не нашлось. И значит узникам они вообще не нужны, либо не положены.

На всякий случай потрогав чайник, женщина убедилась, что он горячий. И снова задумалась, с вечера еще не остыл или уже утром кипятили. Конечно, можно бы спросить Эста, но его тоже нигде не было, Силь специально шумела, выходя из своего закутка.

Наконец догадалась заглянуть в парадную столовую. Окна тускло светились, и женщину разобрал ехидный смех. Вряд ли кто-нибудь на ее месте смог утверждать точно, поздний это закат или раннее утро. Разве что маги, имеющие особые способности.

У Силь дар был, как и почти у всех знатных жителей империи. Но слабенький и не очень полезный, хотя Орж частенько с нею спорил. Силь видела изменения аур у людей, испытывающих сильные эмоции. Но для этого нужно было что-то заподозрить и точно знать или помнить, какой аура бывает обычно. Поэтому она прежде проверяла только Мэри, прачку и приказчика из ближней лавки. Тот нервничал и трусил, подкладывая покупателям испорченный или более дешевый товар, но спорить с хозяином тоже не мог.

Купель, куда горячая вода текла непрерывной струйкой, и так же свободно вытекала через край, неожиданно оказалась довольно удобной, и женщина просидела в ней дольше, чем собиралась. А потом еще простирнула в нижнем корыте вещички и оделась во все новое, впервые за последние пять лет чувствуя себя вольной, как птица. А если считать и годы, проведенные в плену больной, слепой и бессмысленной любви, то и вовсе впервые в жизни.

На кухне за время ее отсутствия стало теплее, горела плита, что-то шкворчало в котелке, закипал большой чайник. Значит Эст вернулся, неожиданно для себя обрадовалось Силь и пошла вешать белье. Пока в своей спальне, потом решит этот больной для знатных дам вопрос. Чужие мужчины ни в коем случае не должны видеть ее исподнего.

А вернувшись, еще издали услышала знакомый до тонкостей мужской голос, что-то строго выговаривавший хозяину дома. Расслышать, о чем идет разговор, у Силь пока не получалось, но по холодному, высокомерному тону можно было без сомнения сказать, что неожиданный гость очень недоволен ее хозяином.

И это возмутило женщину до глубины души, ведь Эста можно было обвинить лишь в одном, избавлении Силь от унижительных просьб о прощении. В тот момент женщина была твердо убеждена, что ей придется ночевать на камнях возле башни, если Грэхем над ней не сжалится.

Тоннель и лесенку она проскочила на одном дыхании, но у выхода остановилась отдышаться. И рассматривая открывшуюся кухню, невольно прислушалась к разговору.

– Ваши действия вообще незаконны, куда только смотрит надзор! Продавать людей запрещено не только в королевстве, но и во всей империи! Тем более, это моя жена! Да и выкупа я не видел, хотя все равно не взял бы. Немедленно зовите Дебору! Иначе я подам жалобу! – отрывисто кидал злые фразы гость, свысока посматривая на Эста.

Но тот ничего не отвечал. Спокойно чистил и резал какие-то овощи, время от времени помешивая свое варево. Очень аппетитно пахнущее, кстати. Силь просто не могла не приняться. И неосознанно сравнивать поведение мужчин в этой непростой ситуации.

Если судить по закону – ни один из них не прав. Но стоит взглянуть с человеческой, женской точки зрения, выигрывает Эст, несмотря на заявление Грэхема, что ему не принесли выкуп.

Ну так когда Эсту было таскать ту рыбу, припомнив вчерашнюю суматоху, оправдала напарника Силь. Он ведь допоздна принимал гостей, а потом убирал столовую. Вот сегодня соберется и отнесет, и она поможет, если нужно.

Но Грэхем во всех случаях выглядел подлецом и теперь узнице было до боли обидно, почему она не замечала этого прежде? Нет, не в семнадцать лет, когда очаровалась красотой стройного, изящного блондина. Белокурые локоны и огромные голубые глаза у Мэри от него. А вот пушистые длинные ресницы, четко прорисованные брови и капризно изогнутые губы – материнские.

Но к тому моменту, как герцог тайком посетил их городок, чтобы встретиться с Силь, его внешность порядком изменилась. Остались в прошлом изящная стройность и рассыпанные по плечам белокурые локоны. Теперь герцогский цирюльник стриг хозяина покороче, чтобы крупные завитки лишь выглядывали из-под ободка короны, и не касались кружев воротника. В посветлевших, словно выцветших глазах прочно поселилось высокомерие, а тонкие, презрительно поджатые губы придавали облику не только значимости, но и недовольства. Хотя очаровывать и уговаривать он умел еще лучше, чем прежде, и вот этого его уменья Силь опасалась сильнее всего.

Но и долго стоять на проходе тоже не собиралась. Женщина почти решилась сделать первый шаг, как из пристройки раздался бас Роба:

– Эст, ты дома?

– Да, – откликнулся тот, высыпая в котелок порезанные овощи.

– Я принес вам свежей икры, рыба попалась как бочонок. – в руках протиснувшегося в дверь гостя была увесистая бадейка. – А где Силь?

– Дебора, – тотчас с едкой усмешкой поправил Грэхем.

– А этот чего тут забыл? – удивился Роб, словно только что его заметил, – гони к лешим.

– Ждал, пока кто-то придет, – невозмутимо пояснил Эст, – а то он после все перевернет. Ты бы слышал, в чем он меня додумался обвинить! В невыплате выкупа!

– Ложь, – уверенно подтвердил пират, – ты все отдал. Я сам принимал.

– Как это... сам? – вытаращил и без того выпуклые глаза Грэхем. – Это моя жена и выкуп мой.

– С каких это пор в Империи можно торговать людьми, даже если это жены? – нехорошо прищурясь, жестко справился Роб. – А Сесиль тебе не жена и вообще не родня. Она такая же узница, как и все мы.

– Но ведь он ее купил! За тунцов и одеяла!

– Бред! – отрезал пират. – У тебя ее купить он изначально не мог бы, даже если это было разрешено. Ты сам всем объяснил, что не имеешь на нее никаких прав. К тому же Эст покупал всего лишь очередь на напарницу, его подойдет еще не скоро. И платил мне, как старосте. Тунцов и одеяла мы унесли в столовую, всегда делаем запас рыбы на случай непогоды. И все это видели. А вот приходить в чужой дом, если тебя не позвали, тут не принято. Мы все люди нервные... можем невзначай и горячий котелок на голову уронить.

– Ладно... я уйду, – высокомерно, словно делал великое одолжение процедил Грэхем, – но не забудьте передать Деборе, что я ее жду.

– Обязательно передадим, – ехидно пообещал Роб закрывшейся за гостем двери и повернувшись к Силь, – слышала, хозяйка?

– Да. Доброе утро. – узница наконец шагнула в кухню, и первым делом справилась у Эста – что готовишь?

– Гуляш из утки, – улыбнулся тот, – а почему ты спрашиваешь?

– Пахнет замечательно. Интересно, откуда тут утки?

– Отшельники когда-то завезли. Вместе с козами. От них не только мясо и перо, но и яйца. А вот куры, видимо, не прижились, им нужно много зерна. Утки же спокойно едят всякие объедки и рыбу. Еще сами ловят мелких морских жителей и достают водоросли. Козам, между прочим, мы тоже даем морскую капусту. И даже сушим ее на зиму.

– Хотелось бы на них посмотреть, – усаживаясь к столу, заявила Силь. – Кстати, как вы узнаете время? Я все утро ходила, не могла понять, рано еще или поздно?

– В этих местах летом очень длинный день, а ночь всего два-три часа, – пояснил Роб, направляясь к выходу, – все новички первое время путаются. А часы здесь всего одни, на порталной башне. Там вместо цифр светятся огоньки, их видно днем и ночью.

– Но ведь от каждого дома их не видно, – задумалась Силь.

– Зато видно от столовой, она стоит в стороне, – Эст поставил на стол большую миску, полную горячего мяса и блюдо с ломтями свежего хлеба. Сел к столу и подвинул напарнице тарелку с вилок, – пробуй.

– Спасибо... – женщина подула на мясо, откусила кусочек, – очень вкусно. Но мне непонятно, причем тут столовая.

– Умельцы встречаются и среди знатных узников, – невольно вздохнул Эст, – вот кто-то из старожилов и додумался прибить на крышу столовой флагшток. Теперь обязанность дежурных каждый час, начиная с семи утра и до десяти вечера поднимать особый вымпел. Узникам удобно, не нужно идти к башне, столовую видно от всех домов. Зимой, правда, остров зачастую накрывает густой туман, но в такую погоду никто никуда и не ходит. Это летом многие обедают в столовой, чтобы не тратить время на готовку.

– Как все сложно, – нахмурилась Силь, – а что за дежурные в столовой?

– Мы все. Там постоянно живут женщины, которые не хотят ни к тому идти в напарники. Но много тяжелой работы, принести уголь и воду, вычистить печи и котлы, порубить мясо и крупную рыбу. Без мужчины не справиться. Вот сегодня была моя очередь, но я сходил, договорился с Звеном, он подежурит. А завтра нужно идти.

– Я тоже пойду, – мгновенно решила узница, – и не спорь. Лучше расскажи, что это за очередь на напарниц?

– Да все просто... – стараясь не показывать досады, вздохнул он, – женщине намного труднее прожить здесь в одиночку, особенно знатной. Поэтому, даже если есть свободные дома, когда мы видим, что пришла узница, предлагаем ей стать напарницей. Ну а, чтобы не напугать даму, ринувшись к ней целой толпой оборванцев, заранее пишем список. И чья очередь, тот и уговаривает новенькую. Но иногда... хотя и редко, новенькая чем-то не подходит очереднику. Похожа на предавшую его жену или дочь... по-разному. Тогда он молча, особым знаком,

передает свое право следующему. Однако бывает и наоборот... а очередь еще далеко. Тогда и начинаем торговаться, чтобы поняли остальные.

– А чья вчера была очередь? – вовсе не желая этого знать, все же справились женщина.

– Поля. – коротко выдохнул Эст и отвернулся.

Силь долго молчала, прикидывая, желала бы она, чтобы в напарницы позвал молчаливый, неспешный Поль, запомнившийся ей самым строгим и аккуратным одеянием.

И постепенно понимала, что по доброй воле никуда бы с ним не пошла. И ни с кем другим. В тот момент ее можно было увести от башни только обманом или силой.

– Спасибо, – наконец убежденно произнесла Силь, сразу же переводя разговор на другое, – а чем ты чистишь шкуры? Просто выбиваешь?

– У некоторых из нас есть небольшие способности, – так же охотно сменил тему ее напарник, – Магов держат в другом месте. А здешние одаренные могут крайне мало... но некоторые знают заклинания домашней уборки. Вот как раз Поль умеет наводить чистоту. Он приходит раз в месяц, и после всё сияет как новое. А мы стараемся к его приходу приготовить разной вкусной еды, это заклинание забирает у Поля все силы. Еще не жалеешь, что не попала к нему?

– Сейчас пожалею, – шутливо пригрозила Силь, и неожиданно для себя самой призналась, – у меня тоже есть крохотный дар. Я вижу ауры... и могу рассмотреть самые сильные всплески чувств. К примеру, Грэхем... уходя отсюда был весьма раздосадован и почему-то светился сарказмом.

– Он мстителен? – помолчав, осведомился помрачневший Эст.

– Не сказала бы... скорее, ему нравится управлять людьми, а для этого нужно знать их слабости и пристрастия. И вот получать всяческие сведения он любит и никогда не скупился на их оплату. А чего тебе бояться?

– На самом деле – нечего. Но есть одна тонкость, любую информацию можно преподнести так, как тебе выгодно. А я, попав сюда, был немного не в себе от резкого поворота своей жизни и легкомысленно рассказал о своих бедах первому встречному. Точнее, первому напарнику. А тот оказался болтуном, поднимавшим себе авторитет разглашением чужих тайн. И теперь моя история известна здесь всем... думаю, Грэхему не составит труда однажды до нее докопаться.

– И как он тебе навредит? – озадаченно нахмурилась Силь.

Подумала и вскоре нашла единственный способ, подходящий по характеру и целям бывшему герцогу.

– Думаешь, расскажет мне, чтобы припугнуть?

– Ты и сама так считаешь.

– Тогда расскажи сам, чтобы я могла судить непредвзято.

– Ты выражаешься как дознаватель, – невесело усмехнулся Эст.

– Открою секрет, я пять лет изображала жену герцога, и еще год – его личного секретаря, поэтому пришлось присутствовать на судах и писать приговоры, – спокойно пояснила Силь, вдруг поверив, что этот мужчина ни с кем не станет делиться ее откровениями.

– Так он герцог... – мгновенно сделал правильный вывод ее случайный напарник. – тогда понятно, откуда такая спесь. И чего ему не жилось на воле? Впрочем, не мне судить. Я тут за убийство собственной жены.

Неожиданно.

Силь невольно насторожилась и тотчас опомнилась. Убийства бывают разные. Вон про Грэхема тоже можно сказать, что убил жену, нечаянно подтолкнув к безумному побегу. Ведь всем понятно, что ничего хорошего из этого бы не вышло. Никто из изнеженных знатных дам не пройдет ночью по совершенно незнакомому, полному опасностей пути. Тем более в бальных туфельках и пышном платье.

– Похоже, жизнь тебя сильно била... – хмуро признал Эст, – обычная знатная дама уже бежала бы отсюда во всю прыть.

Узница лишь пожала плечами, вот тут он прав. Ей хватило в жизни и унижений и работы и лживого подобострастия придворных, чтобы нарастить броню. Только в сердце до последних дней жил робкий и наивный огонек святой веры во взаимную любовь. Огонек, ради которого она была готова на любые трудности и испытания. Теперь даже вспоминать смешно и горько, насколько слепой и безрассудной была та вера.

– Начать придется немного издалека, – наконец решился Эстебан, – от родителей мне перепал титул, небольшие способности и хорошее образование, но не досталось состояния. Его хватило лишь старшим братьям. И потому к двадцати двум годам я поступил на службу в городской суд и начал сам зарабатывать деньги. Сперва был простым писцом, но уже через год стал дознавателем. Поначалу младшим, потом главным. К этому моменту я смог с помощью родителей купить небольшой домик в хорошем месте и неожиданно для себя стал считаться завидным женихом. Меня засыпали приглашениями на балы и приемы, прелестницы вешались на шею как амулеты, их матушки и свахи наперебой расхваливали невест и удобства семейной жизни и я невольно им поверил. И вскоре уже шел к храму под руку с прелестным созданием и думал, что это путь к счастью.

Бывший дознаватель мрачно усмехнулся и ушел за чайником. Некоторое время возился, заваривая душистые травы и нарезая сухую пастилу, потом разливал его по кружкам и медленно пил.

Силь его не торопила, тихонько жевала почти забытое лакомство тех времен, когда они с Мэри жили в небольшом приморском городке. Только там пастила чаще была из абрикосов и дынь.

– Первые годы все было замечательно, я работал, стараясь принести домой побольше денег, она хозяйничала. Вернее, командовала слугами. А они ее боялись, как огня, но тогда я не придавал этому значения. Даже радовался, дурак. Первый удар нанесла преданная кухарка, служившая мне с первых дней самостоятельной жизни. Ядвига вышвырнула женщину из дома, обвинив в воровстве. Я в тот момент уезжал по делам и не сразу заметил, что на кухне сменился повар. Зато вскоре, подписывая счета лавочников с изумлением узнал, что мы стали есть втрое больше. Разумеется, я спросил жену в чем дело, но в ответ Ядвига закатила истерику. Пустую, глупую, и очень шумную. Со слезами, битьем посуды и нелепыми обвинениями в скупости. Пришлось отступить... однако я уже был не наивным юношей, а опытным дознавателем, видевшим такие истерики по пять раз на дню, а иногда и больше. И точно знал, нет дыма без огня. Первым делом я нашел кухарку и тайно отправился к ней. – «Я вам очень сочувствую, – сказала эта мудрая женщина, – однако доносить не стану. Да и не поверите вы словам. Лучше вернитесь домой тайком, как пришли сюда, но никого в это дело не посвящайте. И проверьте свои амулеты. Не знаю, как, но леди Ядвига всегда точно знает о вашем приближении еще за полчаса».

Эст желчно ухмыльнулся своим воспоминаниям, допил чай и отставил кружку.

– Она во всем оказалась права, старая служанка. В запонках и булавках, подаренных мне любимой женой, были маячки. А в моем доме, куда я пробрался, не замеченный никем, буйно веселилась толпа почти незнакомых мне людей. Гремел литаврами оркестр, реками текло крепкое вино, столы ломились от блюд, каких при мне никогда не подавали. А моя в стельку пьяная жена, повиснув на шее крепкого сыночка градоначальника, танцевала нечто совершенно непотребное. У меня был с собой боевой жезл... все мы носим такие на всякий случай. Я и шарахнул... по люстре.

– И многих убил? – деловито справилась Силь, представив себе падающую на головы гостей огромную люстру тронного зала замка Тарве.

– Никого, – изумленно уставился на нее напарник, – заряд был ледяным, а люстра – со свечами. Просто окатило всех горячим воском и градом. От визга и воплей у меня чуть уши не

оторвало, а Ядвига успела выхватить из-за пазухи флакончик и сделать глоток. Всего один... чтобы уже через несколько секунд стать трезвой как стёклышко и злой, как бешеный лешак.

– Значит, все же боялась, – сделала вывод Силь. – Интересно, чего?

– Развода. – хмыкнул Эст. – Мне стоило доказать ее неприличное поведение, чтобы отправить жену восвояси. Я так и хотел поступить... но вгорячах разогнал всех пьяных гостей, музыкантов и продажных слуг заодно, не слушая воплей жены и звона быющей посуды. Решимости мне добавляла ее мелочная подлость, Ядвига старалась бить дорогой фамильный фарфор, попутно уничтожая самую изысканную еду. К тому моменту, как последний лакей выскочил из дома, я успел опомниться и взять себя в руки. Скрутил жену и запер в спальне, закрыв прежде ставни на окнах на замки. В тех местах частенько бывают сильные ветра и принято защищать стекла от летящего мусора и песка. А потом сел перекусить, обдумывая попутно план действий. До меня слишком поздно дошло, как зря я поспешил. Нужно было посадить в кустах взвод городской стражи и понятых, пригласить лекаря и мага, они бы составили протокол. А без этого мои обвинения не имели никакого веса против слов жены, умевшей отрицать очевидное. Но к утру я все же начал действовать, хотя скажу сразу, все было напрасно. Никто не признавался, жена сумела выставить себя безвинной овечкой, попавшей ревнивому мужу под плохое настроение. Прокисшая еда к утру пахла так мерзко, что пришлось нанять служанку и заставить все выкинуть. Добился я лишь одного, предупредил всех лавочников, что не буду платить за товары, заказанные не мной лично. Хотя и тут опоздал, мой счет был почти опустошен, как и тот, неприкосновенный, где хранилось приданое Ядвиги. А ее родные прямо заявили, что без денег блудливую дочку не возьмут. Я не слишком подробно объясняю?

– Нет, – поспешила успокоить Силь, – так и нужно, чтобы картина стала ясной.

– Ну если что, одерни, – похоже ему и самому нужно было выговориться. – Так прошло несколько дней. Новая служанка была крепкой, мускулистой женщиной, не боявшейся никаких угроз. Она до этого работала в трактире и умела постоять за себя. Ядвига пыталась ее запугать, потом подкупить, но я успел отобрать у жены все ценное и запереть в сейф, так как заметил признаки новой беды. Мою супругу начинало накрывать запойной тоской. Она правдами и неправдами пыталась добраться до погреба, где осталось еще несколько бутылок вина, стащила у кухарки ликер, купленный специально для варки помадки. И наконец попробовала пить духи. Мне пришлось все спрятать в тайник, поселить Ядвигу в небольших комнатах на мансарде и запирает, уходя на работу. Это было черное время, но я уже договорился с обителем, лечившей безнадежных пьяниц и собирался отвезти ее туда. Однако мои планы так и остались пустыми разговорами. Меня вызвали в дальний поселок на проведение судебного дознания, и пришлось оставить Ядвигу взаперти. Служанку она ненавидела, швыряла в нее всем подряд, и та в ответ отказывалась с ней возиться. Лишь еду ставила в специальный ящик. Погода была мерзкой, дороги развезло и вернулся я лишь на третий день. Во дворе было полно народу, рыдали одетые в траур родители жены, а меня поджидала стража с приказом доставить в тюрьму. Вот с тех пор я узник.

– Но что с ней произошло?

– Выпила отравленный ром. Маленькую фляжку нашли возле тела. Я никогда такой не видел... и тем более, не давал жене. Артефакт правды подтвердил мои слова. И все объяснения. Но суд признал меня виновным... дознавателю моего уровня, чтобы расправиться с женой достаточно было просто пожаловаться нужному человеку. И все сделали бы и без меня. В счет будущих услуг, разумеется.

– А ты жаловался? – хмуро спросила Силь, уже зная ответ.

– Наверное. Коллеги, знакомые, соседи... все слышали о моей беде и многие сочувствовали. Ну и срывалось иногда... особенно в поездках. Знаешь ведь, у кого что болит...

– А позже... уже тут, ты не пытался угадать, кто мог это сделать? Вернее, кто мог ее бояться? Ведь явно кому-то было бы плохо, начини она говорить?

– О чем?

– Откуда мне знать? Но эти гости... они явно не похожи на друзей или светских знакомых. Скорее, на шайку мошенников.

– Да, нечто подобное я подозревал, но в гневе никого не узнал и не запомнил. Только сына градоначальника. А он выкрутился, пояснив, будто попал туда случайно, за минуту до меня. Якобы искал своего друга, тот собирался пойти к кухне на именины, а она живет примерно в том районе. И тот самый друг подтвердил его слова. Но... извини, конечно, Силь, за три года я чего только не передумал, и постепенно потерял всякое желание копаться в этой истории. И тебе не стал бы рассказывать, если верил в порядочность герцога.

– Как хочешь, – узница и сама ненавидела, когда копались в ее прошлом, – только странно, почему тебя отправили именно сюда.

– А больше некуда. – пожал плечами бывший дознаватель. – В империи не так много приговоренных к ссылке знатных господ и служителей правосудия с высоким статусом, чтобы устраивать для них еще один тайный острог. А поселить такого, как я, вместе с обычными бандитами, равнозначно смертному приговору. Для меня. Они знают нас и в лицо, и по именам. Ну а здесь можно разместить почти две сотни приговоренных. Иногда, после попыток переворотов, тут бывало тесновато.

– Все равно слишком строгое наказание за недоказанное убийство, – уже сдавшись, сердито буркнула Силь.

– Вердикт был – за нарушение профессионального устава. – вздохнул Эст, – А он действительно строг. Дознаватель и сам должен неустанно следить, чтобы никто не покусился на его авторитет, и постоянно проверять всех домочадцев. Никто не должен брать никаких подарков, даже невинных, вроде котенка. Известен случай, когда полученный от соседа кот оказался редкой породы и стоил как позолоченная карета. А Ядвига не просто прожигала мои деньги, а еще и принимала дорогие подарки от случайных «друзей». Потому и сменила всю прислугу и платила новичкам тройное жалование.

Он с досадой махнул рукой, обрывая неожиданно нахлынувшие откровения и ушел вниз, к умывальне, прихватив жбан с икрой.

Глава четвертая

Солнце стояло уже довольно высоко и старательно прогревало небольшой островок. Сушило влажные после ночного дождя камни, играло бликами на спинках мальков, спящих в прозрачной воде рукотворных бассейнов. Удлиненные, неглубокие ямы, выложенные плоскими камнями, тянулись чередой вдоль линии прибоя и служили для разведения молоди. Часть ее доставалась споро нырявшим уткам, но так и задумывалось, по объяснению Эста.

– Они растут быстро, – рассказывал он, ведя напарницу к стоящему на невысоком холме одинокому зданию, – и скоро будут уткам не по зубам. Тогда мы сами будем отлавливать лишних, садок может прокормить не более полусотни рыббин.

Силь внимательно слушала, ее собственный опыт разведения кур не принес ни яиц, ни мяса. Но там можно было придумать способ заработать и просто купить яиц, а здесь – вырастить птицу – это единственный путь.

Вытянутый с севера на юг скалистый остров огромной запятой окаймлял внутреннюю бухточку. Примерно посредине гигантской запятой на пологом склоне скалы высилась порталная башня. Напротив нее, шагах в трехстах, кто-то возвел на небольшом холме округлое каменное здание. И его действительно легко было рассмотреть от любого жилища. Чем ближе Силь подходила к столовой, тем отчетливее понимала, почему узникам так нравится хоть иногда там обедать. И ради чего они таскают сюда рыбу и уголь, ставят вокруг неказистые каменные скамейки и сажают в выбитые вдоль дорожки ямки корявые кустики шиповника.

Все они тоскуют по дому, и наверняка все раскаиваются, ну кроме маньяков, помешанных на своих замыслах, разумеется. Вот и воссоздают подобие обычной харчевни, куда вечерами стекаются скучающие окрестные жители.

– Доброе утро Эст, – оглянувшись, приветствовала вошедшего помощника Зана и изумленно уставилась на Силь, – так вы вдвоем? А что ты умеешь делать?

– Что нужно, то и буду, – невозмутимо сообщила та, зная, что справится почти с любым заданием.

– А блины печь? Только у нас тесто жидкое, муки мало. Зато снимаются хорошо, мы яиц больше кладем.

– Давай, попробую, – доставая фартук, новенькая подступила к плите, – еще руки бы сполоснуть.

– Вон лохань с теплой водой, – Зана подставила к печке небольшую высокую скамейку и водрузила на нее горшок с тестом.

Силь вытерла руки насухо, капнула на сковороду жир, повернула и убедившись, что он бежит, словно живой, налила первую ложку теста. Пока небольшую, посмотреть, как оно себя поведет. Оказалось, неплохо, растеклось ровно, без комков, быстро схватилось мутной корочкой. Зана поспешно подала широкую деревянную лопатку, и довольно выдохнула, когда перевнутый с первой попытки блин ровно лег на сковороду румяной стороной вверх.

– Куда класть? – улыбнулась ей новая помощница.

– Сейчас... вот.

Первый, не самый большой и ровный кружок шлепнулся на медное блюдо, а на сковороду плеснулась очередная порция теста. Кухарки переглянулись, отступили и отправились варить кашу и жарить омлет. Рыбу готовили после всего, дождавшись свежего улова.

Силь облегченно выдохнула, ей очень мешало, когда кто-то стоял над душой. Но теперь она полностью отдалась работе и даже вздрогнула, услышав донёсшийся от входа саркастический смешок.

– Решила стать кухаркой?

От неожиданности рука помощницы невольно дернулась и перевёрнутый блинчик лег на сковороду криво. Женщина поспешно подправила его лопаткой, мысленно подыскивая настолько же едкий ответ, но сказать ничего не успела. Рядом возникла пылающая гневом Зана.

– На этом острове нет ни кухарок, ни слуг. Никаких! – отчеканила она, яростно глядя в лицо Грэхема. – только ссыльные. И все, как один, имели прежде высокие титулы и должности.

– А вы? – оторопело взирал на нее бывший герцог.

– Когда-то была баронессой. А сюда попала после того, как утопила мужа вместе с фрейлиной.

– Но я же не знал...

– Дураком-то не прикидывайся, – презрительно фыркнула кухарка, незыблемой стеной стоя между ним и Силь, продолжавшей печь блины, – И того, что все ссыльные должны работать, чтобы есть, ты тоже еще не понял?

– Это понял, – вмиг ошетинился Грэхем, – но ничего такого никогда не делал. И никто не хочет объяснить.

– Потому что ты не прошел проверку, – с неподдельным презрением выплюнула бывшая баронесса.

– Какую... А мне кто-то сказал?

– На человечность. И никто никому ничего не говорит! И не обязан! Но большинство проходит.

– А тот... кто не пройдет, должен сдохнуть? – с ненавистью прошипел на нее герцог.

– Зачем? – басом ответил от двери Роб, – просто отправится в одиночную камеру и будет получать свою миску супа, ничего не делая.

– А Дебора, значит, прошла... – сообразительно протянул Грэхем, явно пытаясь поддеть бывшую пассию.

– Да. – Уверенно подтвердил староста, – И снова набирает плюсы. Напарниц никто не заставляет помогать на кухне.

– Я не за плюсы, – возмутилась Силь, – просто хотела посмотреть столовую.

– Посмотрела? – прищурился Роб, – ну и бросай лопатку, иди домой.

– А с чего это ты мной командуешь? – обозлившись, на миг обернулась от сковороды Силь. – Я тебе не прислуга! Хочу – здесь стою, захочу – пойду уток кормить!

– Ладно, – засмеялся он, – как соберешься, – позови меня, я бадейку отнесу.

И обернувшись к герцогу, молча следившему за их разговором, ехидно добавил:

– Вот так и набирают плюсов.

– Сесиль всегда была доброй и отзывчивой... – тихо и печально заметил Грэхем, но достиг вовсе не сочувствия, на которое явно рассчитывал.

– И за это ты даже в дом её не пустил, выгнал на холод да еще и обозвал, – желчно поддакнула Зана.

Тихая Лиз молча кивнула в знак согласия.

– Я уже понял к тому моменту, как тут тяжело, – возразил бывший герцог, – и хотел, чтобы она вернулась. Она ведь не совершала никаких преступлений... и сюда шла ко мне... добровольно.

– А это не имеет значения, – жестко отрезал моментально посерьезневший староста, – раз пришла – должна прожить полгода. Прежде никто не станет пересматривать решение суда. Но прошение нужно подать.

Силь очень хотелось вступить в их разговор, объяснить, поспорить... но она понимала, что это сыграет на руку бывшему любимому мужчине. Он привык так действовать... и пока никак не может поверить, что тут этот способ не пройдет. Не помогут ни деньги, ни посулы и угрозы, ни обаяние... всего этого просто нет.

Последняя мысль царапнула неприятным подозрением и Силь все же не стерпела, бросила через плечо:

– А амулет очарования у тебя отобрали, или это было заклинание?

И по напряженному молчанию Грэхема поняла, что невзначай попала прямо в десятку. Но все равно оглянулась, проверить и лишь теперь, рассмотрев побледневшее лицо прячущего взгляд фальшивого мужа, ощутила резанувшую сердце боль.

– Деб... я объясню... – заторопился он, однако Силь уже успела нацепить привычную маску холодного равнодушия.

– Зана, дай ты ему наконец каши, чтоб не мешался, – скомандовала она так, словно была тут главным поваром.

И поспешила снять едва не пригоревший блин. Плеснула теста, перевернула, сняла... и пекла, пекла, пекла, ни на кого больше не обращая внимания. Кажется, ей предлагали помочь, сменить... Силь лишь упрямо мотала головой, сама обойдется, тут уже делать нечего. И утешать ее не нужно, она сильная. Раз столько вынесла и еще не сломалась, и не озверела – переживет и эту боль.

А вот с бывшим лжемужем разговаривать не будет. И не из вредности, наоборот, его теперь даже жаль стало. Он ведь привык, что все смотрят в рот, бегом бегут выполнять любые желания и тем более – указания. Грэхем даже начал считать это своей заслугой... хотя работал тоже много и во все дела вникал очень тщательно. Но явно осознал свою беспомощность и зависимость от амулета очарования лишь теперь. Именно в тот момент, когда помощь заклинания обаяния вдруг стала жизненно необходимой. И теперь ему придется срочно учиться уважать людей и договариваться с ними без мощной опеки амулета.

Силь сняла последний блин и отодвинула сковороду на край плиты.

– Что еще сделать?

– Идем чай пить, – махнула от стоящего под окном стола Зана, – пока можно отдохнуть. Завтраком почти всех накормили, Эст тоже поел блинов. А огородники позже придут. Нужно срочно морковку дополоть.

– А кто попадает в огородники? – Силь спрашивала просто так, лишь бы не думать о всех сделанных в жизни ошибках.

На это у нее будет вечер... и ночь. И завтрашний день, Эст собирался пойти на рыбалку.

– Да те, кому трудно рубить уголь и ловить рыбу. Они ухаживают за козами и огородом. Уток мы подкармливаем, но они и сами еду находят, – охотно делилась сведениями кухарка, – А что ты еще готовить умеешь?

– Да много чего... сразу и не назовешь. У меня не всегда были деньги на кухарок.

– А этот... вроде не похож на бедного.

– Да, – хмуро усмехнулась Силь, и честно предупредила, – но про него мне не хочется говорить. Могу только попросить... не судите строго. Он для жителей своих владений сделал много добра, все его любили и уважали. А вот близкими привык крутить... но так было принято в семье, иначе он не умел.

– Добрая ты, – недовольно фыркнула Зана, но осуждения в ее голосе не было, – он об тебя ноги вытер, а ты ищешь ему оправдание. Но мы поняли... и попробуем помочь. Нет, не кормить... а давать работу и объяснять.

– Спасибо, – поспешила закончить разговор Силь, заметив в окно Эста, тащившего к столовой большую корзину, повешенную на спину. – А я буду к вам приходить, если не прогоните.

– Конечно, приходи... особенно, как пастилу варить начнем.

Домой напарники возвращались поздно вечером. Хотя кухарки и отказывались, помогли им помыть после ужина немудреную, разномастную посуду и полы.

– Отдыхайте, – прикрикнул на женщин Эст, – завтра придет Скар, а у него еще нога не зажила. Скажете, чтоб за углем не ходил, там ящик с верхом полон.

– Так ты уголь таскал, – шагая к своей пещере Силь припомнила сторбленную от тяжести фигуру напарника, – а тележки у вас нет?

– Была... – не сразу ответил он, – сломалась. Тут все время сыро... она просто рассыпалась от ржавчины.

– А попросить... – заикнулась Силь и смолкла, сообразив, что просить никто не станет.

Не те люди. Вот придорожные бандиты или рыночные воришки уже засыпали бы жалобами всех, начиная от порталных магов и заканчивая императором. А бывшие лорды и леди унижать себя просьбами не станут, для них фамильная гордость превыше всего. И не понять этой шепетильности ни банкирам, ни лавочникам.

Дом встретил напарников прохладой, особенно ощутимой после жара кухни и тепла прогретого за день уличного воздуха. Эст сразу же принялся топить печь, а Силь, прихватив чистое платье, ушла в купальню. И самой хотелось хоть несколько минут понежиться в горячей воде, и одежда пропахла жареной рыбой.

После купанья женщина наскоро простирала вещички и, связав в узелок, отправилась в свою комнату, но в кухне ее остановил Эст.

– Силь, я забыл показать тебе чулан, где мы сушим мокрую одежду. Он рядом с купальней и там всегда тепло от трубы с горячей водой. Зимой иногда не хочется ходить за углем, чтобы топить печь целый день, и тогда я там ночую. Или греюсь, пока не разгорится печь.

Узница молча повернула назад и вскоре развешивала одежду на протянутых веревках, пытаясь придумать, как разгородить чулан пополам. Или в ссылке лучше забыть про излишнюю стеснительность?

Похоже, это единственное, что ей остается.

– Зана сказала мне про амулет... – разливая горячий чай, деликатно начал Эст, но напарница подняла перед собой ладони, словно сдаваясь или защищаясь.

– Ни слова больше. Не могу и не хочу о нем говорить. Лучше расскажи, почему вы все такие оборванные... узникам ведь дают какую-то одежду?

Бывший дознаватель помрачнел и поднял руки, скопировав ее жест.

– Не хочу об этом говорить. Не обижайся... но тут что-то странное. Еще лет двадцать назад кое-что давали... и муки вволю, и сахара немного, и другие продукты. Овощи, крупы. А теперь – только муку, и то не часто. Те, кого отпускают, могли бы узнать, почему. Но как мы выяснили, амнистированные перед уходом дают клятву никому ничего не говорить об этом месте. Кстати, Роб велел напомнить тебе, чтобы написала просьбу об амнистии и завтра же отправила. Я помогу.

– А просить можно только амнистию? – задумалась Силь.

– Все что угодно, хоть золотой трон. Но помни, что судьи весельчаков не любят.

– Трон мне не нужен, на нем сидеть неудобно, – отшутилась женщина, – а насчет амнистии нужно подумать.

– Собираешься нянчиться с предателем? – взгляд дознавателя вмиг стал холодным и презрительным.

– Ничего подобного, – обидевшись, Силь резко отодвинула чашку и вскочила, – просто я тоже далеко не невинная овечка... и хочу лишь немного пожить той жизнью, какую заслужила некоторыми поступками.

– Ну не тут же... – еще кричал вслед Эст, но она уже не слушала, торопясь попасть в свой закуток и с головой залезть под одеяло, чтобы наконец, дать волю слезам.

Глава пятая

– Силь... – позвал кто-то и тут же раздался звон колокола.

Несколько секунд тишины и снова:

– Силь...

Затем снова колокол. Судя по гулу – не маленький, таким в их городке сзывали на ярмарку и пожар. Значит, нужно вставать. А так не хочется...

Может он уже замолчал?

И тотчас, круша напрасные надежды прозвенело – Бум!

– Ну Силь же, проснись пожалуйста! Я уже опаздываю...

– Куда? – пробормотала женщина, сползая с кровати и шаря вокруг себя руками в поисках платья.

Управлять флаконом со светящимся песком она пока так и не научилась. Как-то не дошли руки.

– Что стряслось, – кое-как натянув платье, Силь отдернула меховой полог.

– Я ухажу за рыбой... – пряча за спину чугунный котел, Эст отступил на шаг и отвел взгляд, – хотел поговорить...

– А потом нельзя? – еще ворчала его напарница, но уже понимала – нельзя. Иначе он не стал бы таскаться с котлом.

– Нет, – подтвердил напарник, разворачиваясь к выходу, – жду на кухне. И переодень платье.

– Что? – Не сразу поняла Силь, глянула на подол и сердито фыркнула, – у меня в спальне темно.

– Надо раз в пять дней менять флаконы, – отозвался снизу Эст, – а угасшие вешать на солнце.

– О чем ты хотел сказать? – Выпалила узница, едва вбежав в кухню.

– Попросить прощения. Я был неправ вчера вечером... прости, пожалуйста, Силь. – тяжело выдавил напарник, признание вины явно далось ему непросто. Но следующая фраза Эста стала для женщины неожиданной удара молнии среди ясного дня. – Не хотел говорить заранее... мне обещали амнистию со следующим указом. А оставить тебя здесь я просто не смогу.

– Но я... – начала Силь и тотчас смолкла, сообразив, что пока неизвестно, откликнется ли магистр на ее запоздалую просьбу.

– Мне пора... – напарник поспешно шагнул к выходу, но уже открыв дверь, оглянулся, – Ты меня прощаешь? Никуда не уйдешь?

– Да, – твердо ответила узница, – я и не собиралась.

– Спасибо. Вернусь часа через два... договорим.

Несколько минут Силь сидела у стола, бездумно сметая ладонью крошки и пытаясь привести в порядок мысли и чувства. Но они упорно не приводились. В неожиданное признание напарник вложил далеко не тот смысл, какой услышал бы самый наивный пастух, если пастухи такими бывают.

И заявить, что он не нашел отклика в ее сердце, узница не могла. Да и не хотела. Пусть ей уже сорок один год, для человека со способностями это всего десятая часть жизни. Да и неодаренные живут не менее двухсот. И обрекать себя на одиночество, как сделала двадцать три года назад, Силь больше не намерена. Разумеется, она не будет спешить с окончательным решением, хотя уже осознала, что чувствует себя рядом с этим мужчиной так спокойно и защищенно, как никогда и ни с кем прежде.

Решение пришло как-то вдруг, словно все время было рядом, оставалось лишь забрать. Простое и изящное. Хоть и не хочется признавать, но все же это следствие общения с Грэхемом. Герцог любил рассуждать при ней о способах решения всевозможных проблем. А она слушала и запоминала, все яснее осознавая, какую пользу могут принести крупинки чужого опыта. Просто не все методы нужно считать подходящими для себя.

Женщина тряхнула головой, отгоняя ненужные воспоминания и поспешно направилась к плите. Напарник бродил сейчас по ледяной воде, добывая еду, а у нее в котелке до сих пор ничего не булькает и не шкворчит.

Конечно, она все успела. Давно известно, когда времени мало – нужно готовить самые простые блюда. И лучше те, что варятся или пекутся без постоянного присмотра. Вот Силь и сварила рыбный суп, проще него точно такой же, только с фрикадельками, но мясорубки у Эста не нашлось.

А на второе сделала кашу с утятинной, посомневавшись, не слишком ли щедро тратит крупу. Узникам давали очень мало круп, и они выращивали в огороде немного кукурузы и гороха. На большее просто не хватало места.

Закончив с готовкой, Силь села писать заявление. Но просила не амнистии, а свидания с магистром Анцельсом, вот только Эсту об этом говорить не собиралась. За свои ошибки и промахи женщина давно уже привыкла платить сама.

Напарник ввалился на кухню промокший и трясущийся от холода. Бросил по пути на лавку тяжелый мешок и ринулся в купальню.

– Нужно было ему кружку горячего чая приготовить... – запоздало спохватилась Силь, и огорченно вздохнула.

В следующий раз ни за что его не отпустит, пока не выяснит все тонкости предстоящего дела.

– Прости... – мужчина вернулся через полчаса в чистой и сухой, хотя и много раз латаной одежде и с легким румянцем на впалых щеках, – сегодня ветер холодный. Как бы шторм не нагрянул.

– А тут сильные шторма? – Силь подхватила грубо выточенную из дерева поварёшку и метнулась к котлу, – пробуй. Я не успела спросить, что можно приготовить.

– Всё, – Эст жадно черпал душистый бульон, – мне сказочно повезло. Из всех женщин, какие тут были, только Фира умела готовить все и печь хлеб, она и учила Зану с Лиз, как самых способных. Теперь она на воле...

– Подлить? На второе каша с уткой. Только не знаю... сколько крупы можно тратить.

– Тебе положена доля, Роб принесет. – доев кашу, Эст испытующе глянул на напарницу, – а ты... еще не подумала?

– Уже написала прошение, – серьезно ответила Силь, – решила уйти вместе с тобой. Только не торопи... мне сначала нужно со своими проблемами разобраться. Обещаю, я никуда не денусь, не девочка шестнадцатилетняя, чтобы чужими чувствами шутить. Сорок одна зима уже выгонами отпела.

– Мне сорок пять намотало... – напарник бережно взял ее за руку, прижал ладонь к заросшей щетиной щеке, – и я давно уже решил оставшуюся жизнь прожить холостяком... но теперь мечтаю о семье. Ты, я... и кто-нибудь маленький. Лучше двое. Ты будешь прекрасной матерью.

– Не рви душу, – женщина резко вырвала руку и сбежала, оставив Эста гадать, что он опять сделал не так?

Однако долго раздумывать узник не стал, сорвался с места и ринулся догонять напарницу. Женщины попадают сюда очень редко, и все же они бывают. И Эсту даже везло, его пару раз выбирали в напарники. Однако лишь Силь удалось увлечь его с первого же взгляда и вынудить рьяно торговаться за очередь. А после она как-то нечаянно умудрилась отогреть

насквозь промерзшее сердце ссыльного и поселить там робкую пока надежду на счастье. И вот за этот неожиданный дар Эст готов был бороться со всем миром. Кулаками, ногами, зубами... да чем придется.

– Силь... прости меня, Силь, – запыхавшись, прислонился он к меховой шторе, – брякнул не подумав. Больше словечка не скажу... только не плачь.

– Это ты прости... – донесся всхлип из ее спальни, – ты про себя рассказал... а я...

– А у тебя еще не улеглось... я понимаю. Тут многие о себе молчат... и никто не спрашивает, чтобы не сделать больно. А я вот такой неуклюжий...

– Не наговаривай на себя, – возразила Силь, – ты очень добрый. И я отлично понимаю, как мне повезло тебя встретить. Но рассказать пока ничего не могу... потом поймешь, почему.

– Ладно, – согласился он, чувствуя, как душа расцветает уже от одного обещания будущего рассказа.

Значит она и в самом деле так решила и никуда без него не уйдет. И можно будет наконец, отбросить грызшую его в последние дни тревогу, забыть про наглого Грэхема и вздохнуть свободно.

– Давай сходим, отнесем прошение, – предложил он, – а то разыграется непогода...

Просто так спросил, на всякий случай, и сам не веря, что Силь согласится. Никто из знакомых по прежней жизни женщин на ее месте не пошел бы. С покрасневшими глазами, без вуали и пудры? Шагать вдоль крохотного поселка как раз в тот момент, когда все расходятся по своим домам на обед? Да ни за что.

– Идем, – отодвинулась занавесь. – потом покажешь мне, как менять светильник. И кстати... а как мы получим ответ?

Это «мы» снова обдало душу дознавателя живительным теплом, и он не удержался, нежно коснулся растрепавшейся прически неожиданно обретенной любимой. Волосы цвета темной бронзы оказались мягкими, как пух коз, из которого все узники вязали зимними вечерами разные вещи. В основном носки и одежду, но в последнее время пришлось вязать и наволочки. Чехлы подушек давно превратились в набор заплаток.

– Эст... – может, не пойдем? Ты засыпаешь на ходу.

– Так всегда после рыбалки, – виновато выдохнул он, – ничего, на свежем воздухе не усну.

Погода и в самом деле портилась прямо на глазах. Темные облака мчались мимо островка так быстро, что казалось – это остров вдруг сорвался с места и теперь несется неизвестно куда. Порывы ветра моментально подмели тропу и теперь старались сорвать с плеч Силь неказистую шаль.

– Может я сам отнесу, а ты вернешься? – в который раз предложил напарник.

– Немного осталось... вместе дойдем. – Силь и сама не знала, почему должна бросить письмо сама, но это казалось ей непреложным.

Крошечное оконце, проскользнуть в которое могла бы только мышка, открывалось всего на несколько секунд. И как предупредил Эст – не более двух раз в день.

Поэтому свернутое трубочкой прошение Силь заталкивала туда впопыхах и облегченно выдохнула, когда послание куда-то провалилось. Или улетело.

– И сколько ждать ответ? – волновало женщину.

– Никто не знает. Иногда послания приходят вместе с посылками, иногда – просто так. А бывает и вовсе никто не отвечает.

– А посылки... вам часто приходят? – озадаченно смотрела на него Силь, как-то не думавшая прежде об этом.

– Мне – вообще никогда, – бесшабашно усмехнулся Эст и напарница поверила бы, если в его взгляде не сквозила горечь.

– Ну и леший с ними, – Силь крепче вцепилась в мужской локоть, – ты и без посылок неплохо живешь.

– Вот именно, – подтвердил он и почти бегом устремился к своему убежищу, – нужно спешить, дождь тут начинается внезапно.

Но на этот раз им повезло. Первые капли ударили по тропе, когда они уже стояли в пристройке.

– Остальным тоже не часто приходят, – оказавшись дома, Эст внезапно вспомнил про прерванный разговор, – первые годы еще шлют, потом все реже. Иногда раз в год вспомнят, набросают всякой ерунды... сюда ведь не все можно. Тут была женщина, оставившая племянникам имение и кучу денег. Так они прислали две или три посылки... и все. Она плакала, писала им письма... потом примолкла и однажды сказала, что ей терять нечего... а им – есть. Не знаю... как маги узнали, из нас судьям никто не писал... но ее увезли. Может, в обитель для безумных... или монастырь.

– А она никому не говорила, где ее имение?

– Нет.

– Жаль, – искренне посочувствовала Силь, – вы смогли бы выяснить, что с ней.

– Я тоже так думаю. И уже дал свой адрес тем, с кем не против позже встретиться. Конечно, дом мне давно не принадлежит, но есть люди, которые не сочли мою вину тяжелой. И помогут с работой. Но я не о том хочу просить... скажи, где тебя искать, если вдруг...

– Эст! Я и шага без тебя не сделаю! – Ахнула она, – но меня найти просто, спросишь придворного магистра Анцельса. Он будет знать.

– Чей он придворный? – нахмурился дознаватель, – я о таком не слышал.

– Агернского короля.

– Полуостров? Никогда бы не подумал... и не нашел. Спасибо. А жила ты где?

– В Тарвенском герцогстве, но туда никогда не вернусь. И больше ничего не спрашивай.

– Ясно, – покладисто кивнул он, потер глаза и виновато добавил, – иду спать. Завтра рано вставать, огород.

– Я тоже пойду, неслышно шепнула вслед ему Силь.

Глава шестая

Однако наутро выяснилось, что никуда идти не нужно. Вернее – невозможно.

Над островком бушевал шторм. Бешеными порывами ветра вбивал в скалы уродливые, худосочные деревца, растущие лишь по склонам ущелий неподалеку от горячих источников, тугими струями дождя заливал загоны с жмущимися по углам животными. Лишь в жилищах узников было сухо и тепло.

Эст заявил, что обед сегодня приготовит сам и Силь не стала перечить. Достала с полки треснутую чашку, где напарник хранил нитки и иголки и взялась за починку его донельзя изношенных рубаш.

– Не мучайся, – попросил Эст, понаблюдав за ее работой, – на лето мне и такие сойдут. А потом...

Говорить про амнистию он не стал, и Силь догадывалась, почему. Не желает дразнить удачу, ведь она любит подшутить над слишком самоуверенными людьми.

– Не умею сидеть без дела, – кротко улыбнулась в ответ, и поспешила задать свой вопрос, – Эст... я понимаю, вам непросто себя пересилить и попросить одежду и овощи. Но ведь нельзя же так жить бесконечно?

– Так ты полагаешь... – внезапно развеселился он, – что все это мы терпим из гордости и присущей знатым щепетильности? Мне жаль тебя разочаровывать... и, хотя все мы несомненно гордые и на откровенное унижение за кусок хлеба не пойдем, но и не законченные дураки, чтобы сдохнуть по воле какого-то урода. Ведь это явно кто-то из обиженных... не знаю, кем и когда, пытается отомстить, добравшись до власти. Поэтому мы писали... вернее, они. И начали еще до моего прихода. А потом перестали... когда написавших не оказывалось в списках на обещанную им амнистию. С тех пор те, кто хочет уйти больше не пишут. Пишет лишь один... то есть, одна. Лиз. Ей некуда идти... и не к кому. А здесь она чувствует себя дома.

– Вот как... – потрясенно смотрела на него Силь, вспоминая кроткий взгляд тихой женщины с ничем не примечательной внешностью.

Серая мышка... так зовут робких скромниц спесивые придворные красавицы. Даже не догадываясь, насколько большое, благородное сердце может биться в груди таких мышек.

– Про себя она, разумеется, ничего не рассказывала, – полуутвердительно заметила женщина.

– Рассказывала. Зане, Фире... но те молчат. Да нам это и неважно... своих ошибок не счесть, – Эст отвернулся к плите и принялся яростно мешать вчерашний улов.

Мелких крабов и моллюсков он притащил целый мешок и теперь жарил их на сковороде.

– Еды в них мало, и доставать ее долго, – предупредил Силь с усмешкой, – но в непогоду свободного времени хватает.

– Зато деликатес, – улыбнулась она в ответ, и внезапно ясно припомнила... позднее утро, теплый морской бриз, выбеленные солнцем доски причала, запах водорослей и рыбы... – мы жили в небольшом городке на берегу моря, и иногда я ходила к рыбакам. У них всегда можно было дешево купить свежую рыбу и разных морских обитателей. Тех, что похуже, мелких, чуть помятых... но вкус от этого ничуть не меняется. Как и у фруктов... мелкие абрикосы зачастую даже слаще и душистее.

– Ты любишь море?

– Да. Но не такое, как здесь. Тут оно злое, безжалостное. А у нас – доброе, теплое, прозрачное. – Силь мечтательно прикрыла глаза, вызывая в памяти лазурные волны, нежно лижущие золотой песок.

– Значит поселимся у моря. Мне там тоже нравится. – твёрдо вынес вердикт ее напарник и женщина невольно улыбнулась.

Почему-то она и не сомневалась, что ему понравится любое выбранное ею место. Вот только выбора пока никто не предлагал.

Шторм стих лишь на шестые сутки, но еще и на следующий день работать на огороде оказалось невозможно. Выдолбленные в камне траншеи, заполненные до половины грунтом и называвшиеся грядками, были доверху залиты водой.

– А ростки не сгниют? – поинтересовалась Силь у вернувшегося с разведки напарника.

– Слабые и маленькие – могут. Но у нас на такой случай есть запасная рассада, стоит в столовой на чердаке. Как немного подсохнет – все исправим. Я за эти годы столько узнал огородных тонкостей и хитростей, что вполне могу выращивать овощи на продажу. – пошутил он, осторожно касаясь губами ее виска. За время непогоды они как-то незаметно перешли на новую ступеньку в отношениях, – сейчас приготовлю обед. А ты лучше отдохни.

– Пойду, посмотрю на небо, – решила женщина, но никуда уйти не успела.

Дверь распахнулась и в дом ворвался Роб.

– Силь зовут в башню, – закричал с порога.

Рубивший кости Эст выронил огромный нож и тот, с громким стуком отскочив от стола, улетел на пол, но поднимать никто не кинулся.

Все смотрели на побледневшую женщину.

– Откуда... – неверяще глядя на старосту, шептала она сразу ставшими непослушными губами.

– Дежурный прислал указание, – догадался Роб и подал Силь свёрнутый трубочкой листок плотной, серебристой бумаги. – Они появляются в столовой на особом почтовом артефакте.

«Леди Сесиль предлагают срочно явиться к портальной башне» – короткая и сухая фраза, начертанная на листке, ничего не объясняла огорошенной узнице. Такого быстрого ответа она не ожидала... даже мечтать не смела. И тем более не могла сейчас отказаться.

Решительно отложила шитье, нетерпеливо оглянулась на напарника.

– Идем?

– Идем... – как-то обреченно согласился он, и шагнул к выходу.

Сердце женщины болезненно сжалось от безжизненности его голоса.

– Эст! – словно порывом ветра ее швырнуло к мужчине, всего за несколько дней ставшему безмерно нужным и дорогим. – Я ведь пообещала не уходить без тебя!

– Но это глупо, – горько кривя губы, возразил он, – потом могут не выпустить.

– А я вообще глупая... всю жизнь совершаю ошибки. Но меняться, тем более изменять своему слову, не стану.

– Силь...

– Не спорьте, возможно там просто посылка, – примирительно пробасил Роб, – идем быстрее. Я сюда бежал.

– Нужно было тебе переодеться... – пройдя почти половину дороги, спохватился Эст.

– И так хорошо. В письме сказано – «срочно» – вот и бегу в чем была. – с деланным легкомыслием отмахнулась Силь.

Сейчас ее больше всего заботило, как доказать свою правоту Анцельсу, если он все же пришел.

Но в проеме открывшегося при ее приближении входа стоял маг со знаком портальщика.

– Входите, леди Сесиль, – учтиво и безразлично пригласил он.

– Вы намерены отправить меня домой? – забеспокоилась узница.

– Не волнуйтесь, леди, без вашего согласия никто никуда вас не отправит, – в голосе мага явственно прозвучала усмешка.

Ну еще бы, – сердито бурчала про себя женщина, поднимаясь по ступеням, – все обычно наоборот, рвутся сбежать.

– Сюда, – не добравшись до верхней площадки, порталыщик отворил незаметную дверцу. – вас ждут.

– Добрый день, леди Сесиль, – несмотря на учтивое приветствие голос магистра был холоден и подчеркнуто официален. – Зачем вы меня звали?

– Спасибо, что пришли, лорд Анцельс, – искренне улыбнулась узница, склоняя голову в признательном поклоне, – а за сухофрукты особая огромная благодарность. Они мне очень помогли... понять крайне важные вещи. Спасибо!

– Не понимаю... какие еще сухофрукты? – нахмурился магистр.

Он, если честно признаться, вначале даже заподозрил было подвох... или тонкий сарказм, но амулет утверждал, что женщина не лжет. Да и его собственный опыт подсказывал что не стоит искать тут злого умысла. Интуиция и вовсе молчала.

– В вещах, которые вы мне дали, были орехи и сухофрукты, – кротно пояснила Силь, – я понимаю, баул собирали не вы, но это вы о нем подумали, и потому примите искреннюю благодарность. И пожалуйста выслушайте мою просьбу...

– Может, вернемся на Агерн, там поговорим? – предложил магистр более мягко, бдительно наблюдая за собеседницей.

– Нет... – она, похоже, нешуточно испугалась, – меня Эст ждет.

– Граф Тинверн?

– Я не знаю его полного имени... – узница смутилась, как девчонка, даже покраснела, – здесь стараются ничего о себе не говорить. Но он очень хороший и порядочный человек.

А вот с этим утверждением Анцельс был абсолютно согласен, специально проверял все отзывы о графе, по просьбе Беатрис.

И теперь откровенно порадовался, что мать королевы наконец излечилась от больной тяги к жестокому эгоисту, не считающемуся ни с чем ради исполнения своих желаний.

– Тогда чего же вы хотите?

– Выяснить, кто и за что приговорил всех узников острова к тяжкому, каторжному труду и беспросветному, нищему существованию?

– Это очень серьезное обвинение, леди Сесиль, – в голосе магистра прозвенела сталь, а взор мгновенно стал ледяным.

– Я знаю. И готова отвечать за свои слова. Еще двадцать лет назад ссыльным выдавали простую одежду и обувь, простыни и полотенца. Изготовить все это самим просто невозможно, хотя все жители острова прядут козью шерсть и вяжут самые разные вещи. Даже наволочки. Еще прежде присылали самые необходимые продукты, муку, крупу, сахар, овощи и фрукты. Самые дешевые, картофель, морковь, свеклу. Еще мыло и посуду. Теперь лишь изредка присылают немного муки и круп... и ссыльные тратят их крайне экономно. Выращивают кукурузу и горох и мелют самодельной мельницей, а полученную муку добавляют в хлеб. Уголь носят на спине в корзинах, единственная тележка рассыпалась от ржавчины. Сначала я подумала, что узники не жалуются из гордости... и ошиблась. Они пытались. Но тем, кто написал, тотчас отказали в амнистии. Теперь жалобы пишет только Лиз, она решила остаться тут навсегда. Поэтому я так благодарна вам за сухофрукты... сердце плакало, когда узники их делили и смаковали... словно редчайший деликатес.

Выпалив на одном дыхании эту сумбурную речь, Силь смолкла и украдкой смахнула щеки предательские слезинки.

– Я сам все проверю... – немного помолчав, хмуро буркнул Анцельс, – посидите здесь пять минут.

Далеко идти не пришлось, все помещения размещались на трех верхних этажах. Да и было их немного. Кроме комнаты отдыха и кухоньки только склад и служебный кабинет, где и нашелся единственный порталыщик.

– Полученные грузы записываете?

- Да, – четко ответил маг, подавая подозрительно аккуратную книгу в кожаной обложке.
- Когда был последний груз из СО?
- Там записано, – порталыщику явно не хотелось беседовать на эту тему.
- Я посмотрю, – Анцельс неторопливо листал знакомый журнал, на всех башнях вели

такие.

Грузы иногда терялись, уходили не туда или не с тем и только по записям можно было точно определить, что произошло. И сейчас тоже бросалась в глаза разница между записями, сделанными девятнадцать лет назад и более поздними. Прежде грузы появлялись раз в месяц, иногда в два. Пока однажды осенью поток из уверенного ручья не превратился в жидкую, прерывистую струйку. И уже восемнадцать зим таким и оставался.

– Никто из вас не заметил, что ссылкой перестало приходить снабжение? – стараясь говорить спокойно, осведомился магистр, черкая на листке указания.

Вставил его в почтовую пирамидку и отправил адресату.

– Заметил, – пряча взгляд, мрачно буркнул молодой маг. – Но я попал сюда позже всех. И напарники сразу предупредили, чтобы никуда не писал.

– Почему? – насторожился магистр.

– Они уже писали. Сначала их отругали, а во второй раз обвинили в сговоре с узниками и сняли ступень ремесла. Снимайте и с меня, все равно не могу смотреть как они надрываются. – яростно бросил в лицо Анцельса внезапно озлившийся порталыщик.

– Лучше проследи за кругом, мне должна прийти посылка, – устало вздохнул высокий гость, – и не обижайся на вопросы. Я пытаюсь найти крысу. А ступень твоим напарникам мы обязательно вернем и премию добавим. Но сначала займемся ссылкой.

Несколько минут он писал и отправлял послания, потом получал письма и наконец решительно поднялся со стула.

– Отправляй меня в управление СО. Посылку отдашь леди или ее другу. И вежливо предложи ей посидеть здесь, но если не пожелает, может ждать возле башни.

Хотя и секунды не сомневался, что несостоявшаяся герцогиня уйдет к напарнику. А уже в следующий момент отмел все мысли о ней, пытаясь решить, с чего лучше начинать проверку.

Глава седьмая

Снабдив гостя маршрутной картой, порталыщик отправил его на узловую башню, и пошел выполнять поручение. Он тоже не верил в желание леди сидеть в тепле, когда спутники ждут ее на холодных камнях под порывами пронизывающего ветра. И одновременно точно знал, как разочарует ссыльных появление Силь с пустыми руками. Нет, они даже вида не подадут и никогда не расскажут, что в глубине души все же наивно, как дети, надеялись на маленький праздник.

Поэтому, прежде, чем идти в комнату отдыха, порталыщик зашел на кухню. Заглянул в чуланчик, где они хранили запасы продуктов и обрадовался, обнаружив корзинку с ранними яблоками. Сменщик принес, из собственного сада.

К яблокам маг добавил несколько крупных гранатов, присланных с юга кем-то из бывших напарников, и коробку с нитками. Покупал специально для ссыльных, но пока не сумел подсунуть в какую – нибудь посылку.

Но этой узнице можно отдать и так, она не выдаст.

– Анцельс ушел по делам, а вас попросил подождать посылку. Хотите посидеть здесь? Я принесу чай.

– Лучше подожду в столовой, – не обманула ожиданий Силь.

– Тогда я пришлю сообщение, а кто-нибудь из мужчин пусть заберет.

– Эст или Роб.

– Хорошо. А эта корзина вам от меня... и моих напарников. Это ведь вы сказали верховному магистру про продукты?

– Да. А вы тоже знали? – нахмурилась узница и тут же хлопнула себя по лбу, – ну конечно, все же через ваши руки шло. Так почему молчали? Или... не молчали? Ох, темные силы! Это во что же я его впутала! Леди Раяна мне никогда не простит...

– Не переживайте, – успокоил маг, – мастер не пойдет проверять в одиночку. Я видел, куда он отправлял вестников. Ждите спокойно, и пока никому ничего не говорите.

Едва перед узницей вспыхнул свет открывшегося выхода как навстречу торопливо шагнул Эст.

– Силь... – голос мужчины дрогнул.

– Я. Возьми корзинку. Это от друзей. А еще будет посылка. Подождем в столовой? – Женщина нарочно тараторила не умолкая, чтобы дать ему время поверить в свое возвращение и успокоиться. – А еще мне подарили нитки... как думаешь, лучше отдать их Робу или Зане?

– Все равно... – выдохнул он, – а домой тебя не отпустят?

– Отпустят. Вместе с тобой. Я попросила.

– Когда? – опешил он.

– Не знаю... но думаю, скоро. Давай не будем загадывать, просто подождем.

– Ладно, – он крепче прижал к себе любимую женщину, стараясь не вспоминать лютую, звериную тоску, сжавшую сердце после ее ухода в башню.

Кухарки и ссыльные, пришедшие в столовую просто поздороваться, поговорить после пяти суток вынужденного одиночества, заметили их издали и дружно высыпали на крыльцо, желая рассмотреть, что же так бережно несет Роб. А этот хитрец тащил корзинку прижав к груди и заботливо прикрыв ветхим лоскутом неизвестного происхождения.

– Ну? – нетерпеливо выдохнула Зана, когда он водрузил корзинку в центр самого длинного стола.

– Сами будем смотреть, или всех позовем? – сурово осведомился несгибаемый староста.

– Конечно всех, зачем ты спрашиваешь, – по девчоночьи фыркнула худощавая, но статная женщина, – Синк уже побежал. Но одним глазком...

– Да зачем тебе смотреть, Занильда! – с шутливым укором произнес кто-то, – пока просто нюхай.

Женщина медлила лишь пару секунд, потом послушно принялась и даже застонала.

– Яблоки... не может быть... рано ведь еще...

– Их можно пока помыть, – не выдержала Силь и сдернула с корзинки тряпицу.

С минуту все молчали, сосредоточенно рассматривая почти забытые плоды. Так ювелиры изучают выставленные на продажу необработанные камни, не пропуская ни трещинки, ни пятнышка.

А потом разом засуетились, спеша принять участие в этом важном деле, мытье яблок. Один тащил бадью, другой – воду, третий плетенки. А Зана бережно, по одному, доставала фрукты из корзины передавала Лиз, попутно считая вслух:

– Один, два... семь... пятнадцать... тридцать четыре.

И не подозревая, что в тот же момент мрачный, как туча, верховный магистр уже не в первый раз отсчитывает секунды, следя за стрелкой больших башенных часов.

Войти в контору СО, а попросту службы обеспечения, можно было только с этой порталной башни и только с пропуском. А вот его у Анцельса и не было, потому и пришлось звать сюда не только помощников, но и главу ордена.

– Прости, мастер, задержали, – покался Лайонис, выходя из порталного круга и повернулся с приветствием к его сопровождавшим, – Добрый день, ваше высочество, здравствуй Шэдгер.

Магистр спрятал невольную усмешку, младший брат императора всегда будет для здешних жителей прежде всего принцем. А уж потом чьим-то консортом или маркизом и этого не изменить.

– Куда идем? – осведомился глава ордена, показав страже пропуск.

– Сейчас объясню, – предупреждая глянув на окружавших, пообещал Анцельс.

Но говорить начал, лишь после того, как их небольшой отряд, спустившись с башни, добрался до входа в контору СО.

– Сегодня я провожу расследование, и пригласил вас в качестве свидетелей, а если потребуется, то и судей. Но будьте готовы ко всему, хотя я очень надеюсь, что сражаться не придется.

– Веселенькое заявление, – Хмыкнул Шэд. – А почему в таком случае мы не взяли оружие?

– Чтобы не поднимать тревогу, – усмехнулся Лайонис, – здесь стоит защита от боевых амулетов. Интереснее другое, что можно здесь искать, если эти склады засекречены и надежно защищены, а сотрудники постоянно проверяются?

– И что же тогда тут хранится? – заинтересованно огляделся глава тайного королевского сыска, – золото? Алмазы? Жемчуг?

– Самые дешёвые штаны и рубахи, да еще мука и пшено, – серьезно ответил Лайонис, но подмигнул Шэду лукаво, как нашкодивший мальчишка.

– Репутация двух... даже трех самых важных и уважаемых в стране служб. Имперского правосудия, порталной службы, и имперского надзора за соблюдением прав жителей страны, – строго поправил его верховный магистр, – и вот это я хочу проверить. Вы пока просто слушайте и не вмешивайтесь... без крайней необходимости.

Войти в кабинет начальника СО незаметно оказалось проще простого. Дверь туда вела из большой комнаты, где сидело пятеро усердно работавших чиновников. Они что-то писали, считали, и ни один не поднял головы, когда четверо незнакомцев решительно вошли в кабинет их шефа.

Впрочем, он и сам работал так же усердно, и Дагельт, сначала даже проникшийся уважением к увлеченным делом людям, внезапно засмеялся.

– Хорошо здесь работает разведка.

– Именно. – мрачно подтвердил Анцельс, шагнув к заваленному документами внушительному столу и незаметно пошевелил пальцами.

Все бумаги птицами взвились в воздух, сложились в стопку и рухнули на дальний столик.

– Вот зачем вы это сделали? – обиделся хозяин стола, – вам же нужен отчет? Всего полчаса и мы бы доделали.

– Закончите завтра, – оборвал его магистр, глянув за окно.

Здесь солнце уже катилось к дальним горам, и работать служащим оставалось менее часа. Значит нужно поспешить.

– Зачем же вы тогда пришли? – вдруг насторожился начальник, подозрительно уставившись на Анцельса.

– Проверить книгу записей жалоб, – напрямик заявил тот.

– Да нет у нас никаких жалоб! Не бывает! – взвился как укушенный, чиновник, – а если снова мутят воду те «высочеродные» бандиты, то их давно пора отправить в казематы.

– Извини, Анцельс, но я вынужден вмешаться, – стоящий позади всех Дагельт шагнул вперед и хозяин кабинета, лишь теперь узнавший младшего принца, резко посерел.

Проверенная привычка считать главным того из посетителей, кто начинает беседу первым и ведет себя смело, на этот раз подвела. И теперь он не мог даже представить, куда повернет разговор. По слухам, его высочество Дагельт при внешнем спокойствии и даже равнодушии, на деле был невероятно дотошлив и проницателен.

– Ваше высочество... извините, не узнал сразу...

– Скажите, Штран, кто дал вам право судить знатных господ и выносить им приговор? Вы судья или прокуратор? Может, король или шах?

– Помилуйте, я не хотел! Нечаянно сорвалось... ведь душу вынули своей ложью! Вот, взгляните отчет... – дрожащими руками разгребал он кипу бумаг, – у нас есть график и нормы, подписанные интендантом министра. И мы все высылаем в срок. Всем. Никто не жалуется, никто, за все тридцать лет! Только объект тринадцать! Они даже магов подкупили... те тоже писали. Приезжал проверяющий, сам лично проследил за отправкой. Портальщиков наказали, они теперь не пишут. Но какая-то сумасшедшая...

– Опять? – прикрикнул Анцельс.

– Прошу прощения... но ведь три раза в год присылает кляузу!

– Покажите!

– Так ведь уничтожаем... чего копить лживые бумажки?

– Кто уничтожает, как? – вмешался Шэд.

– Мой секретарь разбирает почту.

– Зовите.

– Лаис, зайди сюда, – дернув шнурок, крикнул чиновник.

– Слушаю, – застыл в дверном проеме молодой мужчина в форменном костюме.

– Как ты уничтожаешь жалобы?

– Никак, – невозмутимо заявил тот, – отдаю архивариусу. Только у него есть право уничтожать ненужные бумаги.

– Где он сидит? – во взоре тайного советника блеснул охотничий азарт.

– Первая дверь направо, как выйдете из нашего кабинета, – объяснил секретарь.

– Я сам покажу, – вскочил с места его начальник и гости не стали спорить.

Но следом шли, не отставая ни на шаг.

– Добрый вечер, ваше высочество, ваша светлость, лорд Лайонис, лорд Шэдгер, – учтиво раскланялся сухопарый, немолодой архивариус, поднявшийся со стула, едва в его хранилище вошли неожиданные посетители. – чем могу помочь?

– Валис, объясни, пожалуйста, как ты уничтожаешь жалобы, – попросил Штран с неожиданным почтением, словно они поменялись местами и теперь именно этот Валис был начальником.

– Никак, – спокойно сообщил тот.

Гости невольно засмеялись, глядя на вытянувшееся лицо Штрана.

– Почему?

– По инструкции. Статья пятая, часть вторая, пункт первый. Жалобы подлежат бессрочному хранению. – четко доложил архивариус.

– Ты меня спас... – облегченно выдохнул его начальник, – получишь премию. Доставай эту папку, комиссия желает их почитать.

– А вы пока идите, – выдал Штрану указание Лайонис, – пусть кладовщики немедленно соберут для объекта тринадцать обычную посылку. Мы тоже хотим посмотреть, как она дойдет.

– Так ведь мы всего полмесяца назад отправили им большой контейнер... – запротестовал чиновник, все сильнее съеживаясь под недобрый взглядом магистра, – но если под вашу ответственность...

– Под мою, и поторопитесь, – с презрением бросил ему Дагельт. Дождался, пока захлопнется дверь и повернулся к архивариусу: – пишите указ о смещении Штрана с поста начальника СО. На эту должность назначается Валис...

– Сегано, – догадливо подсказал архивариус.

– Именно, – кивнул принц, – я сам подпишу.

Чтение жалоб никакой ясности в понимании происходящего не принесло. Кроме одного, дежурившие на острове порталышки в сговоре не виновны и, следовательно, наказаны напрасно. Их, наоборот, наградить бы следовало. А теперь осознание всей тяжести последствий этой грубой ошибки окончательно испортило настроение обоим верховным магистрам, и учителю и ученику.

Ведь в конечном счете это они просмотрели душевную скудость и равнодушие к чужим бедам собрата, назначенного на ответственный пост главы порталной службы. И хотя он отлично справлялся с организацией работы, легко находил решения самых сложных вопросов, но на поверку оказался недостаточно чутким человеком.

– Его нужно бы позвать, – мрачно процедил Лайонис, шагая вслед за Штраном к подъемнику, с которого начинался путь каждого контейнера.

– Зови, – отозвался его учитель, и хмуро усмехнулся, – на твой вызов он стрелой прилетит.

– Я подумываю... – кровожадно проворчал глава ордена, торопливо отправляя вестника, – устроить некоторым собратьям испытание. Проверить, к кому из нас прибегут быстрее на тревожный зов.

– Разумеется, к тебе, ты же глава, – съязвил Анцельс, никогда не позволявший себе таких шуток.

Видимо, слишком припекло его это происшествие, раз не выдержал и сорвался, огорченно вздохнул ни грана не обидевшийся ученик и деликатно смолчал. За него ответил Дагельт.

– А должны наоборот, бежать к мастеру, ему помощь нужнее. Главу ордена защищают самые мощные артефакты. И охрана у него опытная.

– Вот он, – возвестил в этот момент Штран, указывая на стоящий в клети подъемника высокий, серовато-желтый ящик.

– Довольно увесистый, – бурчал принц, протискиваясь мимо него в клеть.

– Изобретение нашего алхимика, – гордо заявил торопливо подошедший маг со знаками портала на форменной куртке.

– Две минуты и тридцать секунд, – желчно заметил Анцельс, жестом указывая пришедшему на свободное местечко в клетки, – хороший результат, Рестон.

– Так вы вызвали меня лишь затем, чтобы проверить, как быстро я приду? – оскорбленно поджал губы глава порталной службы. – а мне ради этого пришлось бросить важное дело!

– Важнее, чем выполнение секретного задания императора? – С холодным изумлением поднял бровь Дагелт, искоса наблюдавший, как уползают вниз стены башни.

– Какого? Нет, конечно же. Но могли сказать заранее, я бы предупредил...

– Интересно, кого? – каждое слово мастера истекало злым сарказмом, – Представь, Лайон, картинку: глава одной из засекреченных служб вешает на своей двери объявление: «завтра, за три часа до заката буду исполнять тайное поручение императора». Мне кажется, его сильно перехвалили.

Рестон побледнел от откровенной пощечины, стиснул зубы и больше не произнес ни слова.

Выход из подъемника открылся на крытую галерею, ведущую на верхнюю площадку. Оттуда несколько порталных кругов по магическим путям, проложенным в самые укромные уголки империи уносили секретные грузы. Хотя ничего секретного или ценного в них не было. Простая, дешёвая одежда и самые необходимые продукты из тех что перенесут задержки с перемещением. Мясо, рыбу, овощи и молоко смотрителям тюрем приходилось выращивать или покупать у проверенных купцов.

Один из снующих по галерее грузчиков из числа нанятых в ближнем городке рабочих, ловко подцепил крюком контейнер и погрузил на тележку.

– Вези его к третьему кругу, – скомандовал грузчику Анцельс и решительно забрал маршрутную карту у Штрана, – А вы идите выполнять приказ его высочества.

– Какой? – выдавил руководитель конторы, не догадываясь, что он уже бывший.

– О передаче Валису должности начальника СО. Он на самом деле заслужил поощрение. – сухо пояснил принц.

Глава восьмая

– Отправь нас и груз в первую очередь, – буркнул порталыщику Рестон, едва контейнер, высотой в три локтя, и шириной в полтора, оказался в конце шеренги таких же ящиков.

– Готово, – отрапортовал маг через несколько секунд, – третий отсек.

– Провернешь такой фокус еще раз, и тоже можешь сдавать дела, как Штран, – яростно прошипел Анцельс, оказавшись на площадке следующей башни.

– Да что я сделал? – опешил Рестон.

– Долго объяснять. Просто немного помолчи, и никуда не лезь, – сердито шепнул Лайонис, – и без твоих проколов тошно.

Здесь тоже было тесновато от путников и грузов, и им пришлось срочно освобождать круг, а потом ждать очереди. За это время глава ордена успел кастовать на всех спутников заклинание неприметности и теперь никто больше не оглядывался на них с повышенным интересом.

Следующие три перехода проверяющие сделали довольно быстро, поскольку шли перекрестными башнями, где пересекались только два пути. Если путей было больше, башня считалась узловой. Именно такая и осталась на пути отряда к конечной цели, тупиковой башне объекта тринадцать.

Проверяющие мрачнели все сильнее, начиная подозревать, что где-то пропустили какую-то важную деталь. И если теперь груз дойдет невредимым, им уже никогда не узнать, чего же они не заметили.

Не хмурился только Рестон, уже сообразивший, чего ищет толпа сильнейших магов и преданный друг Агернского короля. Мнимых воришек бязевых рубах и дешевой крупы.

Не поверили проверке, сделанной его помощником? Так чего ждали столько лет? Или нашли что-то новое? А откуда тому взяться, если он теперь на каждом совещании непременно напоминает командирам отрядов, что разговоры дежурных с преступниками запрещены. И нарушители этого правила будут безжалостно изгоняться со службы.

Узловая башня встретила компанию вернувшимся на небо солнцем и весьма свежим ветром, доложившими, что они переместились далеко на северо-запад. И теперь до цели им остался лишь один, прямой переход.

Очередь здесь была поменьше, и вскоре проверяющие стояли перед серьезным, немолодым порталыщиком, тем самым, который пропускал Анцельса на остров три часа назад.

– Пять мужчин и контейнер на тринадцатый, – потянул карту магистр.

– Мужчины во второй круг, груз не пройдет. Пока отправляю на склад. – равнодушно объявил маг путей.

– Почему не пройдет? – изумился Лайонис, – мы прошли с ним уже несколько башен. Все точно такие же. Чем ваша особая?

– И наша такая же, – с упреком глянул на главу ордена не узнавший его маг, – это на тринадцатом стоит слабый артефакт, ему на перенос большого контейнера энергии не хватает. У нас имеется специальное распоряжение. Вот.

Он открыл журнал с надписью «13» и предъявил приколотый на первой странице плотный листок с печатью и подписью Рестона.

«Настроено запрещено отправлять на объект тринадцать грузы в контейнерах больших размеров, от трех локтей в высоту».

– И куда вы их потом деваете? – прищурился Анцельс, стараясь не смотреть в сторону потрясенного Рестона.

– Скорее всего, хозяева забирают, это обычная история. Но лучше спросите кладовщика, он очень аккуратный человек, – устало посоветовал маг, – а я дежурю раз в четыре дня и не знаю, что тут происходит без меня.

– Как его найти?

– Просто спуститесь на грузовом подъемнике.

– И вы не боитесь нас туда пускать?

– Нет, – неожиданно лукаво улыбнулся порталщик, – я активировал амулет, определяющий опасность, как только вы начали задавать вопросы. И он показал, что у всех, кроме одного, высший доступ секретности.

– Внимательный... – с досадой скрипнул зубами Рестон, – Тогда почему ты не знаешь, что тринадцатому поставили большой амулет еще пятнадцать лет назад?

– Откуда же мне это знать? Кто мне сказал? Кто отменил приказ? – возмутился порталщик.

– Идем на склад, по пути поговорим, – дернул Рестона за полу куртки глава ордена, торопясь догнать уже идущих к подъемнику спутников.

– Ну, – потребовал Анцельс, едва клеть двинулась, – объясняй, что за история с ящиками?

Двадцать лет назад наш алхимик изобрел новый клей и придумал, как с его помощью делать из простой травы прочные, а главное, дешевые контейнеры. – заторопился Рестон, – В них можно перевозить и хранить любые товары. Кроме жидких. Раньше все возили в ящиках, деревянных, металлических, плетеных. Очень неудобно, все разного размера, разной крепости и главное, их нужно было возвращать или оплачивать. А это поднимало цены на товары и добавляло работы порталам.

– Довольно, это все знают. Тебя просят сказать, почему контейнеры не пускали на остров.

– Там на самом деле стоял слабый артефакт, как и на многих тупиковых башнях. Мы заказали новые, ведь проще один раз купить артефакты, чем мучиться с мелкими грузами. К тому времени мастерские уже изготовили формы и штампы одного размера и начали выдавать все больше одинаковых контейнеров.

– Короче.

– Я сам сюда не ходил... работал на юге. Там было труднее. А здесь новый артефакт ставил один из старых мастеров... и он должен был забрать прежний указ. Он вообще очень аккуратный человек. Я не могу теперь понять... как такое могло произойти.

– И я не могу, – ядовито процедил Анцельс, – даже представить, что один аккуратный не убрал приказ, второй не дошел до этой башни и отчитался, что дежурные на тринадцатом лгут, третий их не допросил, показания не сверил, на суд в орден не отправил. Просто взял и наказал, хотя никакого права не имел.

– Но мы же сняли с них не ступень мастерства... а только порталщиков... – Рестон шептал все тише, пряча потерянный взор.

Подъемник замер и тотчас раздался насмешливый мужской голос.

– Какие контейнеры интересные пошли! Ну, привет, грузики! Зачем пожаловали?

– Мы ищем свои контейнеры, – строго оборвал его веселье магистр, но кладовщик не смутился.

– Документы на груз покажите.

– Вот, – когда Анцельс успел обзавестись пачкой бумаг, которые вытащил из кармана, никто из его спутников не знал. И знать никто не хотел.

– Объект тринадцать... где же вы спали столько лет! Мне уже уволиться хочется при виде этих ящиков.

– И где вы их все храните?

– Три года – здесь. Потом уничтожаем на пустыре.

– А вдруг там что-то ценное? – подозрительно уставился на него Шэдгер.

– Так ведь комиссия открывает, и акт пишет. Я и близко не подхожу, и тут вонь замучила. Появляется месяцев через шесть и терпи потом еще два с половиной года. А ценного ни разу не было. Гнилье разное, тряпье, посуда глиняная, какую гончары даром раздают. Видать, ватага какая-то закупила... да сгинула, а купец порядочный оказался, шлет и шлет.

– Мы забираем сегодняшний груз и тот, что пришел полмесяца назад, – решил принц, – остальное вывози на пустырь. Акты можете не писать, и так верим.

– Нет уж, пусть пишут. У меня документы всегда в порядке.

Проверяющие поднялись на башню первыми, но не ушли на остров, пока не появились два одинаковых ящика.

За это время снявший неприметность Рестон лично выдрал из журнала старый указ и написал новый, заверив подписью и печатью. Дополнительно написал красными чернилами объявление в журнале, где расписывались принимающие смену маги.

– Отправляйте, – скомандовал следивший за ним Анцельс, и порталщик послушно взялся за рычажки артефакта.

Проверяющие встали в круг рядом с грузом и едва ли не впервые в жизни ждали перемещения с неясной тревогой. Напрасной, как оказалось.

– Моя посылка дошла? – Увидев появившегося порталщика, справился Анцельс, – кстати, извини, не спросил твое имя.

– Олтен, – представился тот, – а посылку получили.

– Хорошо. Тогда эти опустим немного позже, сначала я хотел бы задать тебе два вопроса.

– Хоть десять, – улыбнулся маг, – здесь или пройдете в кабинет?

– Лучше в комнату отдыха, – отказался магистр и первым направился к лестнице.

Остальные шли за ним молча, даже не пытаясь угадать, что еще затеял мастер.

– Скажи... только честно, наказывать вас никто не будет... – Анцельс помедлил, подыскивая слова, – кто посылал ссыльным мешки с мукой и крупами?

– Мы. Точнее, начали сменщики, но я тоже помогал, – открыто смотрел ему в глаза молодой маг.

– Какая у тебя ступень?

– Третья. Меньше сюда не берут.

– А какие заклинания самые мощные? – продолжал допрос магистр.

– Защитная огненная стена. Высота три шага, длина десять, – доложил озадаченный Олтен.

– Получаешь четвертую ступень, – принял решение Лайонис, уже разгадавший замысел учителя, – и подумай о службе в имперской охране. Платят хорошо, жилье предоставляют в столице, в пансионах или гарнизонах, на выбор.

– Меня еще не отстранили, – рассердился Рестон, – а уже растаскиваете моих людей. Я и сам могу предложить ему место получше, тем более, ступень порталщика у него тоже поднялась. Как и у сменщиков. Но с ними я поговорю лично.

– Об уходе с поста и не мечтай, – строго заявил Дагельт, – свои промахи сам и исправлять будешь.

– Но почему? – непонимающе нахмурился начальник порталной службы, – Штран виноват меньше, а его сразу...

– Все же вы его перехвалили, – ворчливо сообщил Анцельс, – он пока не видит главного. Штран снят с должности не за ошибки, их делают все. А за равнодушие к людям, которых по долгу службы обязан был обеспечивать всем необходимым. Его ничуть не волновали их беды, не беспокоило, куда девается мука, если не доходит до ссыльных? Нет, Штрана заботил только собственный авторитет, якобы страдающий от жалоб узников. Он даже на миг не усомнился в своем праве просто уничтожить эти письма и искренне ненавидел всех, кто по его милости

голодал. Ведь именно Штран должен был лично проверить доставку своих грузов до места! Мы сами прошли этим путем и выяснили, что поиском каждого «заблудшего» ящика занимаются именно хозяева.

– Да, – подтвердил Рестон, – в портальной службе нет для этого свободных людей. А нанимать постоянных сыщиков дорого и неразумно, ведь пропажи довольно редки. Зато мы сполна оплачиваем все претензии, если груз затерялся по нашей вине.

– Олтен, – обратился магистр к притихшему магу, – где сейчас леди Сесиль?

– В столовой, они празднуют получение посылки.

– У вас стоят следящие амулеты? – заинтересовался Шэд.

– Да. Всего три, – в столовой, над входом в башню и на крыше десятого дома. Если кому-то понадобится срочная помощь, и их лекарь сам не справится, мы имеем право вмешаться.

– Посылай вызов леди Сесиль, графу Эстебану Тинверну и лорду Роберту Деламино. – велел Анцельс. – Мне нужно с ними побеседовать.

– А я пока отправлю вестника, нужно доложить императору, – вздохнул Дагельт, – иначе он меня высечет. Да не смотрите с таким ужасом... имеется в виду – словами. Но это ничуть не приятнее.

Глава девятая

Столовая пропахла яблоками. Да и как не пахнуть, если двадцать человек одновременно аккуратно режут на ломтики душистые плоды, бережно раскладывая их по тарелке, а потом медленно смакуют, откусывая по крошечному кусочку. И от нахлынувших чувств закрывают глаза.

Давно забытый вкус недорогих плодов, доступных даже бродягам, пробуждал в памяти картинки из прошлой, свободной жизни. Раннего детства, когда яблоки еще можно было есть не соблюдая строгих правил и просто кусая от целого. И того, как, став постарше, легко взбился на прогретые солнцем ветви за первыми спелыми плодами. Чтобы потом украдкой швырять огрызки в братьев и вредных гувернеров.

А еще позже, заметив появление хорошеньких соседских дочек и кузин, самые румяные ранние плоды обрывал уже в дар им.

Силь отдала свои яблоки Лиз, так как в этом году уже вдоволь наелась и ягод и ранних фруктов. Грехем тоже не стал брать плоды, хотя и приходил. Постоял, посмотрел, тихонько развернулся и незаметно ушел. Впрочем, это только ему так казалось, ссыльные все заметили. И оценили по-своему. Побрезговал бывший правитель сидеть за одним столом с такими обורванцами, и не пожелал принимать подачку у непокорной любовницы. Ну и пусть бежит... они этого не забудут. И не простят.

Послание возникло в почтовой шкатулке с легким звоном, и нарочно севший рядом Роб тотчас откинул крышку.

Прочел, довольно ухмыльнулся и встал.

– Эст, Шайн, вы со мной. Нам посылка.

Спасибо, друг, мысленно поблагодарила старосту Силь, не стал упоминать, что посылка на ее имя. Ведь по сути, магистр думал не о ней, а о тех, кто живет тут уже давно.

Мужчины торопливо доели яблоки и почти бегом ринулись к башне, хотя вполне могли и не спешить. Уже стоявшие у стены баулы никому бы не делись.

Но нетерпение сжигало не только их. Все остальные тоже спешно расправлялись с редким лакомством или убирали остатки на потом. И выскакивали на крыльцо, не желая пропустить редкое зрелище.

А возле башни происходило что-то странное. Роб с помощниками зачем-то распаковывали низкий, но широкий баул, и теперь возились с извлеченным из него странным ящичком. Рассмотреть подробнее, что же там такое, от столовой не удавалось и самые любопытные, не выдержав, отправились к башне. А вскоре дружной толпой шли назад, катя перед собой добротную, но легкую тележку. Не пустую, в деревянном ящике стояло несколько мешков и корзин.

– Рано вы обрадовались, что можно не ходить в огород, работа сама к вам едет. – еще издали зычно пошутил староста и все облегченно засмеялись.

Такую работу они могли делать хоть каждый день. Перебирать крупу, чистить и солить или жарить впрок овощи, рассыпать муку по небольшим туескам, чтобы не прогоркла.

Но в этот раз повезло и ничего подобного делать не пришлось. Крупа оказалась отборной, а вместо муки неизвестный родич Роба прислал большой плетеный короб, под самую крышку набитый сладким печевом. Узорными пряниками, сухим, рассыпчатым печеньем, румяными рожками с ореховой начинкой и упакованными в картон хрупкими вафельными трубочками, наполненными кремом.

Не успели потрясенные узники рассмотреть это сказочное богатство, как Роб открыл следующий короб и начал доставать туеса со сливами и крупной южной вишней. Ниже лежали

сетки с яблоками и грушами. Между ними поместилось десяток крупных, тонко пахнущих лимонов.

В последнем бауле прибыли две большие головы сахара, бочоночек меда и несколько толстых плиток шоколада.

– Дай боги здоровья добрым людям, которые это послали, – с чувством выдохнула Зана, и все ее дружно поддержали.

В совесть, проснувшуюся у родичей Роба, не поверил ни один из старожилов.

На подготовку к праздничному чаепитию ушел почти час. Никто не захотел остаться в стороне и работу, прежде бывшую обязанностью поваров и горничных, бывшие лорды и леди самозабвенно делали вместе. Кипятили и заваривали чай, кололи сахар, раскладывали по блюдам булочки, вафли и вишни, которые договорились съесть первыми, чтобы не пропали.

А когда все было готово, решили прежде поужинать. Хотя солнце и стояло высоко, ссыльных это уже не обманывало. Светлячок на башенных часах ярко горел напротив цифры семь.

Суп и рыбу съели быстро, словно опаздывали на службу, зато потом вмиг забыли о времени. Пировали неспешно, пробуя и оценивая печево, делились мнением и откровенно наслаждались. Силь с Эстом, по безмолвному уговору оставив печево Лиз, пили чай с маленькими кусочками сахара. Раз магистр пообещал найти саботажников, значит сахар у узников будет, а вот кормить их вафлями вряд ли станут.

Почтовая шкатулка звякнула неожиданно и требовательно и все сотрапезники тотчас притихли.

– Какой необыкновенный сегодня день... – доставая скрученный в трубочку листок, равнодушно буркнул старшина, но его пальцы, разворачивающие послание, едва заметно дрогнули.

– Ну? – нетерпеливо поторопила напарника Молли, – что там?

– Силь, Эста и меня зовут в башню. – еще раз, для верности, пробежав взором короткое приказание, ответил Роб.

– Уведут? – встревожилась Лиз.

– Нет, – поспешила успокоить ее Силь, – просто поговорить.

– Ты что-то знаешь, – догадался Крис.

– Очень мало, – направляясь к выходу, виновато обронила она.

Напарник и староста молча шли следом. А о чем можно говорить под хмурыми взорами друзей, мгновенно забывших и про сладости и про ягоды. Искренне считая, что никого из этой троицы больше не увидят. Все, кому посчастливилось вернуться на свободу, уходили точно так же.

Проход в башню снова был доверчиво открыт, и рядом стоял приветливо улыбавшийся порталщик.

– Вас ждут в той же комнате, – указал он Силь на лестницу. А когда она проходила мимо, тихо добавил, – спасибо!

Узница только кивнула, догадавшись, за что. Значит отныне все положенное будет приходиться ссыльным вовремя и им не придется вырезать ложки из корявых березок и пришивать на рубахи новые заплаты.

– Проходите, садитесь, – открыто улыбались ссыльным ожидавшие их лорды.

Почти всех из них Силь сразу узнала. Приходилось сталкиваться на королевских празднествах, куда она сопровождала Грехема сначала под личиной герцогини, потом как секретарь. Хотя герцог старался брать ее с собой как можно реже, опасаясь магической проверки, но совсем спрятать от общества не мог. Это неизбежно вызвало бы подозрения, истинная Лоуренсия обожала королевские приемы и никогда не пропускала, если была хоть малейшая возможность их посетить.

Ну а позже они ее судили... и это самая черная из перенесенных ею бед.

– Мы ведь знакомы, – учтиво справился Дагельт, внимательно глядя на идущую к стулу женщину в неказистом, дешевом темном платье и неожиданно хорошей, пушистой шали.

В ответ она смолчала, лишь крепче поджала стиснутые губы.

– Вы ошибаетесь, – дерзко заявил лорд Роберт Деламино, и решительно шагнул вперед, прикрывая женщину своей широкой грудью.

– Известная вам дама давно исчезла, – одновременно со старостой с другой стороны Силь обошел бывший дознаватель граф Эстебан Тинверн, – а эта лишь похожа. На нашем острове творятся разные чудеса... может, это маги-отшельники оставили какое-то заклятье или артефакт?

Он явно перетягивал внимание принца на себя и откровенно напрашивался на наказание, но тот улыбался все загадочнее. И с удовольствием еще понаблюдав бы за этим представлением, но вмешался Анцельс.

– Извините, леди Сесиль, и садитесь наконец, – повелительно велел он. – Его высочество вовсе не собирался вас в чем-то упрекать. Вы ведь могли уйти отсюда еще в обед... – магистр мрачно вздохнул и решительно продолжил, – но предпочли остаться, чтобы высказать мне свои подозрения и претензии. За смелость и честность орден магов и Совет верховных судей приносит вам искреннюю благодарность и снимает все обвинения и ограничения.

– А император и король Агерна дарят дом и поместье в любом городе империи, – объявил принц и серьезно добавил, – а лордам Деламино и Тинверну объявляется полное помилование, с возвращением всех прав и имущества. Портал доставит вас в столицу, где вам выдадут указ и компенсацию за лишения, перенесенные по вине отдела обеспечения.

– Спасибо, – сухо кивнул Роб, – с вашего разрешения я воспользуюсь амнистией, но позже. Сейчас я уйти не могу.

– Я тоже остаюсь, – тяжело выдавил Эст, – прости, свет мой.

– Не извиняйся, я же сказала, что никуда без тебя не уйду, – невозмутимо заявила Силь и в упор уставилась на магистра, – Это все? А рубашек не будет?

– Будут, – ответил Анцельс, чему-то улыбаясь, – мы доставили два контейнера. Но один простоял полмесяца... нужно проверять. И еще... напишите список, что вам нужно срочно. Не стесняйтесь. Но сначала... если можете, объясните мне, почему вы отказались уйти?

– Потому, что это несправедливо, – устало буркнул Роб, рассматривая стены и окно, выходящее на скалы и незаметное с берега. – И подло. Как мне жить дальше, если те, кто мне верил, останутся здесь? Будут как и раньше бродить с острогой по ледяной воде, рубить и таскать уголь, колоть соль и мять шкуры... И представлять, как я сижу в мягком кресле у камина. Да я и близко подойти не смогу ни к какому креслу. Мне яблоки в горло не полезут... нет, не пойду.

– А вы, граф Тинверн? – пылливо смотрел на Эста принц, – тоже яблоки есть не сможете?

– Я не настолько чувствительный, – съязвил граф, – у меня своя забота. Не хочу оставлять друзей без защиты. Кто-то добрый сунул нам ядовитого змея... теперь придется за ним присматривать.

– А это... мнение, – насторожился Шэдгер, – чем-то подтверждено или просто ревность?

– Вы шутите или притворяетесь непонятливым? – изумился Эст, вдруг обозлившись на лордов, пытавшихся подловить их с Робом как воробьев на мякине, – если бы я ревновал, то уже был бы с Силь где-то далеко, куда ему никогда не достать. Конечно у меня есть основания ему не верить и интуиция. Да и Силь видела... прости, свет мой.

– Ничего... им можно.

– То-есть... – с интересом уставился на нее молча наблюдавший за разговором Лайонис, – вы что-то видите, леди?

– Сильные эмоции, – невозмутимо кивнула она, – например, все вы сейчас испытываете интерес, такой... деловой или исследовательский, а его светлость, маркиз Гордио – еще и удовольствие... или умиротворение... цвет похож. И немного грусть.

– Вы правы. Все. – Усмехнувшись, уверенно объявил принц, – Благодаря вам я принял окончательное решение. Олтен, отправь узникам приказ подойти к башне. И опускай контейнеры.

– Понял, – четко отозвался стоящий у двери порталщик и куда-то умчался.

– Идем вниз, – предложил, вставая, Дагельт и снова непонятно усмехнулся, – действительно... трудно понять, радоваться нужно или огорчаться.

Больше он не стал ничего объяснять. Выйдя из башни, поднялся на плоский осколок скалы и, заложив руки за спину, молча рассматривал широкую полосу бурунов, пока не добежали последние узники.

Повернувшись к ним лицом, принц некоторое время мрачно рассматривал истертые до дыр воротники и рукава рубаш, видневшиеся из-под меховых жилеток. И десятки разноцветных заплаток, неумело наклепленных на ветхие штаны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.